

Пепел и Дым. Я (не) вернусь

Автор:

[Алиса Ковалевская](#)

Пепел и Дым. Я (не) вернусь

Алиса Ковалевская

Десять лет назад Дымов использовал и бросил мою сестру, а потом уехал за океан покорять НХЛ. Она погибла, и у меня не осталось никого, кроме сына... Я поклялась оберегать его и пойду на всё, чтобы Егор Дымов прочувствовал на себе – какого это, когда твоя жизнь рушится у тебя на глазах. И ты ничего... ничего не можешь с этим сделать...История Егора Дымова из романа "Запрещаю тебе уходить"

Алиса Ковалевская

Пепел и Дым. Я (не) вернусь

Пролог

Егор

Аэропорт походил на взбудораженный улей. То ли рейс я выбрал не самый удачный, то ли всем резко припёрло убраться из столицы. Уже неделю без перерыва шёл дождь, я бы с удовольствием свалил в тёплые края. Только сомневаюсь, что все вокруг решили сгонять на пару деньков в Марокко или наведаться на Мальдивы.

В людской каше Ангелина выглядела совсем потерянной. Волосы её намокли, пока мы шли от такси, но уже успели высохнуть. Тёмные, они подчёркивали её бледность.

– Уже пора, – сказала она и улыбнулась.

Вроде улыбнулась, но улыбка вышла обречённой.

Я взял её за руку. Пальцы ледяные, рукав свитера скрывает ладонь едва ли не до середины. Нахмурился.

– Я вернусь за тобой. Как и договаривались. Устроюсь, пойму, что к чему, и приеду.

Ангелина кивнула. Потянулась ко мне и, обняв, уткнулась лбом в грудь. Вздохнула, хрупкие плечи дрогнули.

Вот же! Оставлять её самому было тошно. Но иначе никак. Взять её с собой в Канаду сейчас я не мог. Сам летел фактически в никуда. Сперва нужно было зарекомендовать себя перед тренером и командой. Приглашение в канадский клуб не стало неожиданностью – я, чёрт подери, знал себе цену! Не торчать же здесь до седых висков? Моё место в НХЛ.

– Ты что? – Я погладил её по волосам. – Лин...

Она замотала головой. Подняла взгляд и опять улыбнулась, хотя глаза влажно блестели.

– Как представляю, что не увижу тебя несколько месяцев...

– Почему не увидишь? Есть видеосвязь.

– Ты же понимаешь, о чём я.

Да, я понимал. До вылета оставалось всё меньше времени, пора было идти. Начало посадки уже объявили, но хотелось побыть с Линкой подольше.

Её ладошка легла мне на грудь. Приподнявшись на носочки, она потянулась ко мне. Коснулась губами губ.

- Иди, - шепнула. - Тебе пора.

- Ещё пара минут есть.

Правильно говорят: долгие проводы – лишние слёзы. Но это того стоило. В конце концов, затягивать с её переездом ко мне я не собирался. Покажу тренеру, на что способен, подвину одноклубников и вернусь за ней.

- Иди сюда. - Я прижал её.

Губы Линки были сладкие, с запахом клубничных леденцов.

- Люблю тебя.

Чем больше целовал её, тем сильнее хотелось.

- И я тебя.

Эта девчонка зацепила меня с первой встречи. Детдомовская мышка с огромными глазами. Тронул её язык своим, легко прикусил губу и с шумом выдохнул.

- Теперь действительно пора, Лин. Передавай привет своей сестре.

- Передам. Правда, ты всё равно с ней не знаком.

- Так кто в этом виноват? Ты всё обещала нас познакомить, и никак. Надеюсь, хоть на свадьбе покажешь мне свою Полину.

- На свадьбе... - Зелёные глаза стали просто огромными. - Егор...

- Я люблю тебя, мой Ангел. - Я ещё раз крепко прижал её к себе, буквально на секунду. Тронул губы и отпустил. - Я буду звонить. И вернусь за тобой. Скоро.

Не оборачиваясь, пошёл к залу. Поправил на ходу сумку. У рамок всё-таки не выдержал и посмотрел на Ангелину. Поднял руку ладонью вверх. Линка не шевелилась. Мимо неё проходили люди, а она застыла восковой куклой. Красивая, чёрт подери.

– Проходите, – поторопила сотрудница аэропорта.

Так я и сделал: прошёл через рамки и по рукаву на посадку. Моё место было в середине салона. Закинув сумку на полку, устроился рядом с толстой бабой.

Через несколько часов я буду в Канаде. Монреаль. Да, это то, к чему я шёл. Дальше – больше. Недаром же первый тренер говорил, что я родился с клюшкой в руках.

Глава 1

Полина. Десять лет спустя

– Что за погода, – шепнула я себе под нос, снимая вымокшее пальто.

Дождь ливанул внезапно и с такой силой, что, пока дошла до дома, я прилично вымокла. Порывистый, неприятный, он обжигал лицо и руки. Осень в этом году вообще была необычно холодная и наступила резко. В квартире тоже слышался шум дождя.

Кроссовки сына стояли в углу. Хорошо, что он уже дома. Надеюсь, не вымок до нитки.

– Тимофей, – позвала я, но внезапный раскат грома заглушил голос.

Бросив на тумбочку мокрые перчатки, я прошла в кухню и закрыла окно. Сразу же стало тише. И где, спрашивается, сын?!

– Тим, почему окно нараспашку? – крикнула, идя по коридору.

– На замену выходит... – донеслось из гостиной, стоило подойти ближе. – В прошлом году этот парень стал лучшим бомбардиром НХЛ, а теперь...

Поглубже вдохнув, я толкнула дверь. Трансляция хоккейного матча была в самом разгаре. Огромная плазма демонстрировала каток и рассекающих по нему здоровенных мужиков.

– Мам... – Сын так увлёкся, что заметил меня, только когда я загородила экран.

– Сегодняшний матч особенно интересен ещё и потому... – снова заговорил притихший было комментатор.

Я бросила взгляд на экран. Секунды оказалось достаточно, чтобы стало ясно, чем именно так интересен этот матч.

– Атака! Шайба переходит к Дымову. Так...

– Я хочу заниматься хоккеем. – Тимоха подался к телевизору. Резко посмотрел на меня. – Мам! Ты обещала, что подумаешь. Ты подумала? Я хочу, как он!

Голос комментатора становился всё ярче, громче, невыносимее.

– Дай сюда! – Я выхватила у сына пульт. Выключила телевизор и буквально прорычала: – Ты никогда не будешь как он!

– Ну мам! – Тим хотел забрать пульт обратно. Я не дала. В квартире стало неожиданно тихо.

– Я смотрел!

Я отшвырнула пульт на столик. Сын насупился. Голубые глаза блестели упрямством и обидой.

– Ты не будешь заниматься хоккеем, – отрезала я решительно. – Эта тема закрыта. Никакого хоккея. Никогда.

- Но почему?!

- По кочану.

Тимофей нахмурился ещё сильнее. Спадающие на лоб светлые волосы делали его взгляд особенно выразительным. Ничего не сказав, он обошёл меня, но даже в его движениях было недовольство.

- Ты куда?

- Уроки делать, - буркнул сын и скрылся в коридоре.

Я тяжело опустилась на диван и надрывно вздохнула. Пульт лежал на столе прямо передо мной. С минуту смотрела на него, видя крохотные кнопки. Один, два, три... девять. Сыну девять, и последний год он изводил меня требованиями отдать его в секцию хоккея.

- Никогда, - повторила одними губами.

Пульт оказался в руках. Экран вспыхнул.

- Го-ол! - раздался крик комментатора раньше, чем я успела понять, что случилось. - Дымов! Шайбу забил Егор Дымов! Москвичам несказанно повезло заполучить нашу звезду, ещё в прошлом сезоне входившую в десятку лучших игроков НХЛ...

В тот же миг я выключила телевизор, едва не запустив в него всё тем же пультом.

- Никогда - процедила сквозь зубы.

Набрала номер. В трубке раздалась гудки. Пока ждала, смотрела в тёмную плазму, по которой словно бы продолжали двигаться фигурки. Наконец гудки кончились.

- Нужно встретиться, - сказала негромко, уже справившись с эмоциями. - Сегодня вечером.

Егор

Телефон зазвонил в самый неподходящий момент. Тёплое женское тело под боком, не выветрившийся запах секса, смятые простыни. Брюнетка рядом оказалась той ещё затейницей.

Но взять трубку всё же пришлось.

– Слушаю тебя, – сказал лениво, поглаживая девицу по голому задку.

Она мурлыкнула, ткнулась в меня. Ладонь поползла по животу к члену.

– Сейчас пришлю тебе ссылку. – Агент говорил напряжённо. Я тоже напрягся, уже догадываясь, в чём дело. – От этого воняет, Егор.

Параллельно звонку телефон звякнул. Не отключаясь, я перешёл на страницу паршивой газетёнки, названия которой раньше не слышал. Буквы перед глазами заплясали, складываясь в жирный заголовок статьи. «Большие победы и большие запросы Егора Дымова. Горячему парню мало». Дальше – сделанный в американском клубе снимок. Девчонка у меня на коленях, ещё одна трётся рядом.

– Блядь!

Читать не стал, кровь и так мгновенно вскипела.

– Найди эту суку, Максим! Найди её, чёрт подери! Я её размажу!

– Уже занимаюсь. Пока ничего.

– Значит, лучше ищи! – прорычал я в трубку. Ладонь девицы остановилась ниже пупка и опять поползла вниз. Блядь!

Я крепко схватил её за запястье и откинул руку.

- Пошла отсюда, - процедил сквозь зубы, параллельно слушая агента.

- Откуда у неё эти снимки, Макс?! - рявкнул, поднимаясь с постели. - Это было в Канаде. Кто она, блядь, такая?!

Девушка так и лежала на синих простынях. Приподнялась на руке, демонстрируя грудь с торчащими сосками и изгиб талии. Кивком показал ей на дверь. Мозги у неё работали явно хуже, чем рот и то, что находилось между ляжек.

- Будь осторожнее, - попросил Макс. - Не нарывайся на новые скандалы. Из-за своего характера ты наживаешь себе проблемы. Тебя уже турнули из Канады, а в России никто не хотел подписывать с тобой контракт.

- Не надо меня учить. Ты - мой агент, а не духовный наставник. За то, что ты разбираешься с моими проблемами, я плачу тебе большие бабки. На этом закончим. Найди эту писаку. Чёртова сука! - Я бросил телефон на постель.

Губы девушки приоткрылись. Рот у неё действительно был хороший, рабочий.

- Что случилось? - Она потянулась ко мне. Провела по руке. Встала на колени и, заглядывая в глаза, облизала губы.

Да бля!

- Тебя это не касается. Собирайся, тебе пора.

Она не торопилась. Выматерившись, я сунул ей в руки скомканное платье, потом стащил с постели и вытолкнул в коридор. Может, так дойдёт быстрее?

Платье она натянула. За ним - сапоги и куртку. Я не сводил с неё взгляд.

- Ты позвонишь, когда успокоишься? - спросила она, одевшись.

- Нет.

Глаза сверкнули. Она поджала губы. Я отпер дверь и показал за порог.

- Ты мразь, - шикнула она, выходя.

Захлопнув квартиру, я выругался. Какая-то фанатка будет говорить мне, кто я? Меньше всего сейчас меня волновало то, что обо мне думает фанатка.

Подумал и открыл статью.

- Чёртова сука, - процедил я, читая. - Достану тебя - урою.

Глава 2

Егор

Выйдя на улицу, я набрал агента.

- Ты что-нибудь нашёл?

- Быстро хочешь, Дымов.

Я поглубже вобрал в лёгкие воздух. На асфальте под ногами была грязная каша, редкий дождь капал, не переставая, с самого утра. Дерьмовое настроение, дерьмовая погода и дела тоже дерьмовые.

- Судя по всему, эта журналистка - внештатный сотрудник. Но я копаю.

- Не копать надо, а рыть. Жду звонка вечером. Найди мне хоть какую-нибудь зацепку.

- Ты опоздал, - только я подошёл к тренировочному катку, заявил тренер. Кинул взгляд на часы. - На пятнадцать минут.

– Так вышло. – Я хотел было присоединиться к остальным игрокам, но тренер остановил меня. – В чём дело?

– Это я спрашиваю тебя: в чём дело, Дымов? Кем ты был в Канаде, меня не интересует. Тренировка начинается в восемь. Время одинаковое для всех. В следующий раз посажу тебя на скамью запасных, ясно?

Выслушав его, я снова пошёл было к калитке, но тренер опять не дал открыть её.

– Ясно, я тебя спрашиваю, Дымов?!

– Ясно! – прошипел я в ответ.

Настроение после звонка Макса и без того было поганым. Не помог ни утренний кофе, ни свежий круассан с шоколадом. Мало того, что у газетчицы откуда-то взялись фотографии, о существовании которых я сам не догадывался, так ещё и выползло всё это в неподходящий момент. Не хватало мне только дерьма тут, в России.

Злой как дьявол, я присоединился к команде. Привычный процесс тренировки удовлетворения сегодня не приносил. Ещё и Богатырёв то и дело болтался под ногами.

– Куда прёшь?! – рявкнул я, с трудом сдержавшись, чтобы не размазать его по борту. – Ты, мать твою, ослеп?

– Это ты ослеп, Дымов. Кроме бабских задниц ничего не видишь. – В его глазах была злая насмешка.

– За словами следи! – Я прижал его к борту.

– Хватит! – раздался голос тренера. – Оба! Дымов, Богатырёв! Успокойтесь!

Рожу Богатырёва искривила усмешка. Новый окрик тренера заставил меня унять ярость. Давно надо было превратить его физиономию в лепёшку, ну да чёрт с ним.

– Горячему парню мало, – услышал я, заходя в раздевалку. – А что? Не такие уж большие запросы. Эта ещё ничего, а вторая...

На всю раздевалку раздался ржач.

– Размер двушечка, не больше, – ответил ещё один.

Я завернул за шкафчики. Команда столпилась вокруг Богатырёва. Тот стоял с телефоном в руках. Увидел меня, и уголок его рта дёрнулся.

– Слабовато будет, Егорка. Для звезды-то НХЛ. Неужели больше не осилил?

– Иди на хер!

– Да ладно, здесь все свои...

Схватив за грудки, я припечатал его к шкафчикам. Раздевалку наполнил металлический лязг.

– Ты у меня свой грёбанный телефон сейчас сожрёшь! – Приложил ещё раз. – Не нары...

В скулу прилетел кулак. Блядь! Вкус собственной крови сорвал остатки сдержанности. Размахнувшись, я как следует засадил заносчивому кретину в плечо. Сука...

– Парни, брейк! – Нас принялись растаскивать в стороны.

Я сплюнул на пол. Дёрнул локтем, стряхивая руки. Богатырёва держали двое, остальные стояли вокруг.

– Ты здесь никто, Дымов. Вали за бугор и там качай права. Здесь игра ведётся по нашим правилам.

- По твоим, что ли?

- В том числе.

Я даже не стал отвечать ему. Слащавый недоумок. Свой шанс получить место в НХЛ он проебал в то же время, когда я занял там место. Зато гонора осталось в избытке. Сплюнул ещё раз. На полу осталась розовая клякса. А за это он мне ещё ответит.

- Ладно, парни, угомонитесь, - похлопал меня по плечу нападающий «Беркута», Сашка. - Это не дело. У нас сезон. Давайте на мировую.

- К хренам собачьим мировую, - отрезал я и подошёл к своему шкафчику.

В спину устремились взгляды, разговоры стихли. Позади загрохотали дверцы. Чувство неудовлетворения так и клокотало внутри.

Дерьмовый день! Вначале Макс с грязной статейкой, теперь этот недоумок. Разнёс бы всё на хрен. Мелькнула мысль послать всё и вернуться в Канаду. Бабла у меня достаточно, пара квартир есть. Но, блядь! Бросать я не хотел. Рано, мать его. «Беркут» - далеко не самое поганое место, где я мог оказаться. Но с газетёнкой разобраться нужно. И чем быстрее, тем лучше.

Закинув сумку во внедорожник, я сел за руль. Посмотрел вперёд, в мутное стекло, на болтающуюся подвеску в виде ангела. Уже не помню, как она появилась. В какое-то утро после крупной победы в НХЛ и хорошей попойки в честь этого проснулся, а фигурка была рядом. Кажется, в ту ночь я вообще был не в себе. Девчонка с длинными тёмными волосами, бредни... Но это уже в прошлом. Сейчас складывалось ощущение, что мой ангел оставил меня. Берёг-берёг и оставил.

Я мрачно усмехнулся и завёл двигатель.

- Да пошло оно всё!

Сорвал подвеску, опустил стекло и швырнул ангела в мутную жижу. Фигурку скрыла грязь, а я прикрыл глаза и потёр переносицу. Это не ангел меня оставил. Как раз наоборот. Сердце резануло. Сколько я не вспоминал о ней? Посмотрел на лужу. Сквозь муть виднелось белое пятно. Я вышел и, подняв подвеску, вытер о пальто.

- Видишь, Ангел, я вернулся. Вернулся... только тебя уже нет.

Положил фигурку в карман. Пнул комок грязной листвы и посмотрел на свинцовое небо. В том, что Ангел меня оставил, виноват только я.

Мой личный Ангел.

Полина

- Ты сегодня просто неотразим.

Я пропустила Богатырёва в квартиру. Выразительно посмотрела, ожидая пояснений. Под глазом у него красовался смачный фингал, скула была рассечена.

Но Федя только отмахнулся. Поморщился, как от навязчивой зубной боли. Снял куртку и сразу же обнял меня. Прошёлся губами по шее. Я вывернулась, пока он не зашёл слишком далеко.

- Где Тимоха?

- У деда.

Богатырёв приподнял бровь. Меня он так и не отпустил – придерживал за талию. Настрой у него, судя по взгляду, был определённый. А я вдруг поняла, что сегодня не готова к большему, чем эта самая рука, медленно ползущая к моему заду.

- Неужели ты наконец дала добро? У Тима определённо есть способности. Ты посмотри на него. Он же самый настоящий богатырь.

- Ничего я не дала, - оборвала его я и, вывернувшись, пошла в кухню.

На столе уже стояла открытая бутылка вина. Но зря я, наверное. Не надо было нам сегодня встречаться. В последнее время Фёдор бывал у меня слишком часто.

Убрала вино в шкаф. Богатырёв прислонился плечом к косяку.

- Зачем эта принципиальность, Полина? Твой отец - тренер, которого вся Россия знает, я бы тоже мог показать ему несколько приёмов. Парень рвётся на лёд, а ты рубишь на корню.

- Хватит! - на сей раз оборвала его резко. - Я знаю, что нужно моему сыну, а что нет. Ты ему никто, Богатырёв. Не лезь в то, что тебя не касается.

- Никто. - Он подошёл. - Но мы можем это исправить.

- Ты снова?

- Почему нет? Твой парень растёт, ему нужен отец. Да и ты...

- Что я? - спросила с оттенком вызова.

Видимо, до Феде дошло, что продолжать не стоит, потому что на вопрос он не ответил. Только глаза блеснули. Ладонь легла мне на спину. За ней вторая. Погладив, он стал потихоньку разминать мои плечи: водил вдоль позвоночника, мастерски нажимая на мышцы.

Я прикрыла глаза. Было приятно. И всё-таки приезжать ему сегодня не следовало.

Отстранилась. Разлившееся по телу тепло не трогало ни душу, ни сердце. В тёмном стекле отражался высокий, красивый мужчина, которого я вроде бы даже хотела. Или не хотела...

- Езжай домой, - сказала тихо. - У меня голова болит.

– Дурацкая отмазка. – Он наклонился ко мне. – Придумала бы что-нибудь получше, если хочешь, чтобы я ушёл. Или могла бы просто сказать.

Я повернулась к нему.

– Хочу, чтобы ты ушёл. Извини.

В глаза снова бросился фингал и ссадина на его скуле. Я сжала кулак. Губы Феде изогнулись, и он всё-таки притянул меня. Обхватил затылок и поцеловал. Нехотя я ответила ему и отвернулась.

– У твоего парня всё получилось бы. Не забирай у него шанс, Лина. Может, я ему и не отец, но мне не похрен, как сложится его будущее.

– От тебя слишком много слов, Богатырёв.

– Стерва ты.

– Сочту это за комплимент.

Хмыкнув, он вернулся в прихожую. Не прошло и минуты, как хлопнула входная дверь.

С его уходом стало словно легче дышать. Или думать. Бутылка красного сухого снова оказалась на столе. Присев на край, я тонкой струйкой налила вино в большой бокал. Покачала.

– Я знаю, что лучше для моего сына, – сказала в пустоту и сделала глоток.

Терпкое, чуть горьковатое, с привкусом чернослива, вино осталось во рту приятным послевкусием без намёка на сладость. В моей жизни тоже не осталось ничего сладкого с тех пор, как погибли родители. Единственное, что было у меня настоящего, – сын. Незапланированный ребёнок, рождённый вопреки.

– Ты никогда ничего не узнаешь, – прошептала я, отгоняя доводящие до озноба воспоминания. Ни к чему это. Я давно всё зачеркнула. У нас есть только то, что

есть. Но...

Новый глоток вина.

Его отец ответит. Рано или поздно.

Взяв тарелку с нарезанным перед приходом Феди сыром, я прошла в комнату. Приоткрыла балконную дверь, и влажный, пропитанный запахом дождя ветер ворвался внутрь. Свет отражался на стенке бокала, дождь стучал по стеклу, по подоконнику.

Достав с полки сборник сказок, я раскрыла его посередине и перевернула лежащую в книге фотографию. Дождь застучал сильнее, а сердце почти остановилось. Я провела кончиками пальцев по краю. С фотографии робко улыбалась девушка. Тоненькая, хрупкая, почти прозрачная по сравнению с приобнимающим её хоккеистом. Мы были с ней похожи, как две капли воды. Когда-то были.

– Я отомщу за тебя, Ангелина... – Я коснулась её волос. – Он ответит за всё, что с тобой сделал. Обещаю тебе.

Прежде, чем закрыть книгу, перевернула фотографию. Прочитала строчку, которую знала наизусть, которую часто видела во сне и в которой ненавидела каждую букву каждого слова:

«Строптивой девчонке от будущей звезды НХЛ».

Уверенный, твёрдый почерк. В конце надписи нарисован смайлик.

Большой глоток вина, тающий на языке нежный сыр.

Я закрыла книгу и вернула на место. Встала у окна, и ветерок, врывающийся сквозь зазор открытой двери, тронул щёку.

– Время пришло, Дымов. Всё возвращается. Ты ответишь. Клянусь.

Егор

Город не спал. Таков удел мегаполисов – постоянное движение вне зависимости от времени года и суток. Ненадолго прекратившийся дождь пошёл снова. Чай согревал, но внутри было пусто. Давно на меня так не накатывало. И что тому виной?

Я достал из кармана фигурку ангела. Сжал в кулаке и тут же раскрыл ладонь. Не эта же безделушка?

Поставил ангелочка на подоконник. Всё это было слишком давно, чтобы иметь значение.

В полумраке комнаты рассеянно светил торшер. Но даже так я без труда различил среди стоящих на полке снимков тот, что так и не смог убрать подальше. Перед ним – стеклянный шар, внутри которого – ангел. Первое Рождество без неё – именно тогда я купил эту безделушку. Сидел в своей канадской квартире и, пока одноклубники жрали румяную индейку в кругу семьи, надирался пойлом. Чужое Рождество, чужая страна. Всё было чужим, и изменить это я не мог.

– Можно изменить что угодно, кроме смерти.

Я взял снимок, в другую руку – шар и вернулся к подоконнику. Вокруг ангела взвились белые, серебристые и голубые снежинки, а с фото на меня смотрела девушка. Ангел. Ещё один ангел, встречу с которым я помнил, словно это было не десять лет назад, а вчера.

Прошлое

– Ты сегодня красавчик, Дымов. Не зря тебя, сукина сына, наш Багратион так ценит. У него глаз-алмаз.

– Да ладно тебе. – Я усмехнулся.

Чёрт подери, не мешало бы побриться, но до окончания сезона было не так далеко. Вроде просто примета – не стричься и не бриться пока фартит, но хрен знает, как оно работает. Сходишь к цирюльнику, вылезет облом, так парни потом закопают.

– Как ты его... – Друг хлопнул меня по плечу. – Блядь, эта шайба войдёт в историю! Их вратарь обделался, когда ты попёр.

Я хмыкнул. Пожалуй, друг был недалёк от истины. Загнанная на последней минуте шайба решила исход матча и дальнейшее положение нашего клуба в таблице. Адреналин до сих пор бурлил в крови. Соперники скалились в раздевалке, но факт оставался фактом: благодаря мне мы прошли дальше в плей-офф, а они вылетели, как пробка из бутылки.

– Возьмём золото – отметим.

– Не дели шкуру неубитого медведя, Дымов. Следующий матч будет жёсткий, сам знаешь.

– Мы возьмём золото, – ответил я уверенно.

Чёрт, да я даже на языке чувствовал вкус победы! К хренам, что следующие матчи нам предстояли с сильными соперниками. Это только раззадоривало. В прошлом году победу мы упустили, но в этом золото должно стать нашим.

Только мы вышли со стадиона, друг показал на толпящихся девчонок.

– О-о-о, это по твою душу!

– С чего ты взял?

– Кто у нас будущая звезда НХЛ, Дымов? Иди, собирай плоды популярности. Фанатки сладки.

Я кинул взгляд на девушек. Несколько сразу же заулыбались, одна, видать, самая бойкая, выступила вперёд. Все они были какими-то тусклыми. Ничего интересного. Хотя сейчас я бы, пожалуй, захватил одну домой на пару часов.

Только не из этих.

– Не в этот раз, – ответил другу.

Тот снова похлопал меня по плечу. На сей раз почти приободряюще, мать его.

– Порадуй их. Вон та, – кивком показал на худющую, с блёклыми волосами, – совсем приуныла. Того и гляди в обморок грохнется. Давай, а я пойду.

Поганец сделал ноги раньше, чем я подошёл к фанаткам. Та, что выступила вперёд, и правда оказалась бойкой. Сунула мне билет.

– Кате, – улыбнулась сладко.

Расписываясь, я заметил, что цены на билете нет. Ясно, ещё и малолетки. Старшеклассникам частенько раздавали приглачительные, чтобы забить непроданные места на трибунах.

Кате так Кате. Я вернул девице билет.

– А можно сфотографироваться? – Другая оказалась рядом одновременно с прозвучавшим вопросом.

На хрена спрашивала?

– Нужно. – Я приобнял её. Потом другую, третью...

– Малахольная, давай тоже! – крикнул кто-то из стайки.

Ко мне толкнули ещё одну девушку. Ту самую, с тусклыми каштановыми волосами, которая, как выразился друг, готова была хлопнуться в обморок. Я инстинктивно положил руку ей на талию и наткнулся на колючий взгляд зелёных глаз.

– Не лапай меня, – процедила она почти неслышно, оперевшись мне в грудь ладонями.

Я охренел. Ну ничего ж себе.

– Убери руки, сказала. Я тебе не одна из твоих фанаток.

– А кто же ты?

– Дед Пихто, блин! – И толкнула. Не сильно, так, чтобы не видели другие.

Стало интересно. Вот тебе на!

– Малахольная, не тормози!

Она продолжала волком смотреть на меня снизу вверх. Мне вдруг подумалось, что из всей кучки она самая интересная. Вроде неприметная, но что-то в ней есть.

– Ну так что, будем фотографироваться, дед Пихто? – спросил негромко.

Она неожиданно смутилась. Встала рядом. Я снова приобнял её. Бойкая девица щёлкнула камерой.

– Классная фотка, – заявила она. Чмокнула намазанными блеском губами и кокетливо улыбнулась.

Зеленоглазая отошла от меня. Снова встала поодаль от остальных.

– Смотри, Егор, – девица с блестящим ртом подошла ко мне, – ты здесь супер. Я скину тебе.

Я смерил её взглядом. От неё пахло дешёвыми духами, глаза были подведены чёрным карандашом, что заметно уродовало её. Не успел я спросить, куда и зачем она собралась что-то там скидывать, как она заскользила пальцами по дисплею телефона. Мой собственный звякнул в кармане. Девица выразительно глянула из-под ресниц. Охренеть не встать.

– И откуда у тебя мой номер?

– Уметь надо, – не растерялась она. – Ты сегодня был мегакрут, Егор! Как ты их...

Пока она заливалась, строя глазки, я отыскал тёмненькую. Она смотрела на нас. Красивые глаза, зелёные. Светлая кожа, тёмные волосы.

– Как твою подружку зовут?

Бойкая проследила за моим взглядом. Хмыкнула.

– Малахольную, что ли? Это наша Лина-Ангелина.

– А почему вы её зовёте малахольной?

Девчонка пожала плечами.

– Да потому что малахольная, – ответила она и засмеялась вместе с подружками.

Настоящее

Крутящиеся вокруг заточённого в шар ангела снежинки постепенно опускались, а я так и смотрел на фотографию. Сколько же воды утекло с того времени... Больше десяти лет прошло, но хрен что стёрлось из памяти. Я как наяву слышал её голос и видел огромные зелёные глаза.

Из воспоминаний меня выдернул зазвонивший телефон.

– Да, Макс. – Я поставил рамку с фотографией и ещё раз перевернул шар. Снежинки закружились снова, за окном усиливался дождь.

– Пока у меня ничего хорошего, Егор. По нулям. Это реально заказуха. Я всё перерыл, но ничего конкретного не нашёл. Кто пишет эти статьи – непонятно.

– Это невозможно. Есть статьи – есть автор статей. Они же не берутся из ниоткуда! Что хочешь делай, Макс, мать твою, но найди мне эту тварь! Узнай, что ей нужно! Дай денег кому надо, пригрози судом, но найди эту заразу!

– Ты меня за болвана держишь? Думаешь, я не пробовал дать денег? – с раздражением отозвался агент, но тут же сбавил обороты. – Вот я тебе что предлагаю: насколько мне известно, дочь твоего тренера – журналистка. Попробуй поговорить с ней. Тусовка у них узкая, может, так выйдет что-то дельное.

– Ты реально считаешь, что она знает, какая блоха портит мне жизнь?

– Само собой, нет. Но она хотя бы скажет, как найти эту блоху. В конце концов, это затрагивает интересы её отца.

Я стиснул зубы. Блядь! Вмешивать в такую хрень левую девицу не хотелось, но Макс прав. Что сам он сделал всё от него зависящее, я уверен.

– Продолжай искать. А я завтра поговорю с Леонидом.

Глава 3

Егор

Доверять Максиму стоило хотя бы потому, что он имел с меня деньги. Ничто так не стимулирует ответственность, как круглая сумма, ежемесячно поступающая на счёт. Вряд ли кто-то мог дать Максиму больше меня, разве что разово. Но мой агент не был дураком, чтобы повестись на это. Хвост есть у любой крысы. Та, что клепаёт про меня статейки, – не исключение.

– Что тебе, Дымов? – Тренер отвлёкся от толстенной тетради, в которую что-то записывал.

– Разговор есть.

– Раз есть, говори.

Многословностью Кузнецов не отличался. Это мне в нём нравилось. Первый тренер в Канаде трепался, как баба после бутылки вина. Отфильтровать стоящее требовало тех ещё усилий, но приходилось терпеть. Плюшками и пряниками за бугром меня не встретили.

Я закрыл дверь. Прошёл в тренерскую и сел на диван. Обстановка отражала характер Кузнецова: всё та же немногословность. Ни грамот на стенах, ни цветов в горшках на подоконниках.

– Я тебя слушаю, Дымов, – в тоне тренера послышалась требовательность. – У меня дел до хрена. Если ты решил раскорячиться на диване, будь добр, езжай домой.

– Ваша дочь журналист? – спросил я напрямую.

Кузнецов напрягся. С его дочерью знаком я не был. Более того, до вчерашнего дня о существовании-то её не догадывался. После возвращения в Россию башка была забита другим. Вначале попытки разгрести накопившиеся проблемы, потом приглашение в «Беркут». В какой-то момент показалось, что на личном фронте забрезжил просвет. Но Настька была права: ничего бы у нас не вышло. Чтобы срослось, нужно, чтобы хоть за кем-то не тянулся шлейф прошлого. Не наш случай.

– Зачем тебе моя дочь?

– Мне нужна её помощь.

Я достал телефон и открыл последнюю статью. Положил перед Кузнецовым. Тренер бегло посмотрел на дисплей, потом вчитался внимательнее. Чем дальше он читал, тем мрачнее становился. Пару минут в кабинете царило молчание.

– Моя дочь в Америке, – наконец выговорил он, положив телефон на стол. – Чем она тебе может помочь?

– Я хочу найти автора этих писул. Она наверняка знает, как это можно сделать. Я, чёрт подери, понятия не имею, что за тварь их строчит, но очень хочу узнать. Поговорите с дочерью, Леонид Аркадьевич. Если нужны деньги...

– Моя дочь в Америке, – оборвал он грубо. – На хрена мне твои деньги? Что, в стране кленового сиропа иначе разговоры не строятся?

Кузнецов оторвал от стопки стикер. Что-то написал, прилепил к телефону и кинул на диван.

– Это номер Полины. Позвони ей сам, если тебе нужно. Скажи, что телефон дал я.

– А если не скажу?

– Будь готов, что она пошлёт тебя к чёрту.

Усмехнувшись, я отлепил стикер и вбил номер в память. Кузнецов не отрываясь смотрел на меня.

– Ваша дочь мне уже нравится. – Я убрал телефон.

Тренер хмурился. В общем-то, причин для хорошего настроения не было ни у него, ни у меня.

– У тебя репутация с душком, Егор. Будь добр, следи за тем, чтобы не провонять насквозь. И заканчивай свои тёрки с Богатырёвым. Два мужика, а ведёте себя, как задиристые дворняги.

– На мою игру это не влияет.

– На твою игру – нет. Но дерьмо вроде того, что ты показал, мне не нужно. И команде тоже. Я взял тебя не для того, чтобы ты создавал проблемы. Тебя не хотел брать ни один клуб. Мне стоило больших усилий доказать, что ты то, что нам нужно. Так какого хера продолжаешь выёбываться?

– Спасибо за номер, – ответил я, поднявшись.

Что-что, а оправдываться мне было не за что. Статейки херовые, но вряд ли у кого из парней рыльце не было в пушку.

Тренер смотрел мрачно, в тяжёлом взгляде читался скрытый гнев.

- Позвони Поле, – сухо сказал он мне в спину. – Если она сможет – скажет, что делать.

Тянуть со звоном я не стал. Набрал дочь тренера сразу же, как сел в машину, запоздало подумав о разнице во времени. Да и хрен бы с ней. Разок проснётся посреди ночи – не растает.

Разговор с Кузнецовым оставил непроходящее раздражение. В его команде не было ни одного игрока, даже близко сравнимого по уровню с моим. Так хрен ли он выделяется?! Репутация моя ему не нравится?!

Один гудок сменялся другим. Откинувшись на спинку сиденья, я смотрел в лобовое стекло и ждал. Ещё один гудок.

- Алло, – наконец вырвалось из динамика.

- Полина? – Я подобрался. Сперва и не понял, в чём дело. Словно меня под дыш шандарахнули.

- Да.

- Меня зовут Егор... – Не успел договорить, связь оборвалась.

Чёрт подери! Проклятые Штаты! Набрал снова, но гудки на сей раз оказались бесконечными. Сбросил и снова набрал. «Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

- Блядь, – выругался тихо. Набрал снова – та же песня.

В мозгах звенело спокойное «алло». Как голос из прошлого. И вроде ерунда, а в памяти опять картинки: зелёные глаза, упирающиеся в грудь ладони и голос. Голос девушки, оставшейся вечной раной на сердце. Голос Ангела.

Полина

– Меня зовут Егор...

Нажав на отбой, я судорожно выдохнула и кинула телефон на стол. Не прошло и нескольких секунд, как он снова зазвонил. Я смотрела на высвечивающиеся на дисплее цифры и не могла заставить себя ответить. А в голове продолжало звучать «меня зовут Егор...».

Вдох за вдохом пыталась прийти в себя и не могла. Пальцы стали ледяными, воздуха не хватало, в ушах нарастал гул. Егор... В панике я схватила телефон и жала на кнопку выключения до тех пор, пока дисплей не потух. Чувство было, что ещё немного, и я задохнусь дымом, что кожа расплавится от адского пламени.

– Мам... Мам! Мама! Мам!

Тим. Наконец я опомнилась. Сын тянул меня за рукав. Я повернулась к нему и наткнулась на встревоженный взгляд.

– Мама, что с тобой?

– Ничего, – ответила через силу. Опустилась на диванчик. – Просто... Ничего.

Молча обняла сына и закрыла глаза. Ничего. Рано или поздно это должно было случиться. Но я оказалась не готова.

– Я тебя очень люблю, – сказала сыну, отпустив.

Он нахмурил брови. Мне захотелось провести пальцами по его лбу, но он давно перестал воспринимать нежности. Пришлось улыбнуться, хотя это было непросто.

– Кто тебе звонил, мам?

Я качнула головой. Как объяснить?

- Ты сделал уроки?

- Да.

Разговор повис, так и не закончившись. Тимоха смотрел с подозрением. Но что я могла сказать ему? Сердце уже билось в прежнем ритме, паника прошла. Только ярость всё так же скребла душу. Звонок был настолько неожиданным, что я не смогла подготовиться. А смогла бы я когда-нибудь?

Достав из шкафчика печенье, положила несколько штук на тарелку – по краю. В центр поставила чашку.

- Мам, что ты делаешь?

- Не скажу, – беззаботно отозвалась я. Налила кипятка, положила заварку. Пока делала всё это, чувствовала взгляд сына и старалась не обращать на него внимания. Как будто ничего не случилось. А правда, разве что-то случилось?

- Держи, – подала ему сооружённый за пару минут «натюрморт».

Тимоха не оценил. Даже руку не протянул. Чувствуя себя нелепо, я стояла с тарелкой посреди кухни под осуждающим взглядом собственного ребёнка.

- Не хочешь говорить – не говори, – сказал он и ушёл.

Вздыхнув, я поставила тарелку на стол и опустилась на диван. Из глубины квартиры раздался шум телевизора. Орешки со сгущёнкой и курабье с красной капелькой варенья посредине словно насмеялись надо мной. Моему сыну девять. Девять, а не три и даже не пять. Это тогда я могла сказать, что всё хорошо, и он верил мне. А теперь обмануть его очень трудно.

Отломив кусочек печенья, я включила телефон. Почти сразу же пришло несколько уведомлений, что абонент с номером плюс семь... пытался дозвониться до меня. За ними – сообщение в мессенджер.

«Полина, меня зовут Егор Дымов. Номер дал мне ваш отец. Мне нужна ваша помощь. Пожалуйста, перезвоните, как сможете».

Вот оно что. Не дав себе времени подумать, я нажала на вызов. Дымов ответил на втором же гудке.

– Простите, Егор, – повернув чашку другой стороной, холодно и безэмоционально сказала я. – Что-то со связью.

Егор

Стоило услышать голос дочери тренера, меня снова захлестнуло. Злая ирония, чёрт подери.

– Ничего. – Чтобы ненароком во что-нибудь не въебаться, я сбавил скорость. Каждое слово – хлыстом по оголённым нервам. Как голос с того света.

Заставил себя собраться.

– Если честно, не понимаю, чем могу вам помочь. Если не ошибаюсь, вы хоккеист?

– Не ошибаетесь.

– Вы хоккеист, я – журналистка. Хотите, чтобы я взяла у вас интервью?

– Нет.

Вкратце я рассказал ей суть проблемы. Она слушала, не перебивая. Временами было ощущение, что связь снова оборвалась, но нет. Видимо, дочь унаследовала манеру своего отца. Краткость во всём. Ничего лишнего.

– Мне нужна зацепка, Полина, – подвёл я черту сказанного. – Любая. В долгу я не останусь.

– Не останетесь, – отозвалась она с довольно странной интонацией. Помолчала. – Хорошо, я помогу вам. По крайней мере, постараюсь помочь. Не обещаю, что это будет очень быстро.

– Буду вам признателен. – Я снова завёл двигатель. Чёрт! Этот голос... Но как бы ни похож он был на голос строптивного ангела, это была совсем другая женщина.

Я поглубже вдохнул и потихоньку поехал вперёд.

– Я перезвоню вам, если что-то найду. Пока быть признательным мне не за что.

– Я и не сказал, что признателен вам сейчас, – усмехнулся я. – Лишь сказал, что буду вам признательным.

Разговор с Полиной Кузнецовой оставил странное ощущение, но итог был один: в голову опять полезли воспоминания. Поначалу я пытался отогнать их, но потом понял: на хрена? Лезут – пусть лезут. Может, так и лучше. Всё эта дурацкая холодная осень и Россия. Не стоило мне сюда возвращаться. Не вернулся, когда стоило, а сейчас уже особенно и незачем.

Прошное

Жрать хотелось дико. Возвращаясь с тренировки, я пытался вспомнить, есть ли что в холодосе. По всему выходило, что нет. Неплохо бы было заглянуть в ближайший супермаркет. Забить морозилку, да и дело с концом. Но сегодня тренер нас так ухайдохал, что было в падлу. Благо до дома рукой подать. Подаренная пару лет назад родителями трёшка находилась минутах в десяти ходьбы от катка.

Весна выдалась дрянная. Холодная и мокрая.

– Твою ж мать, – процедил я, вляпавшись в грязь.

Коммунальщики, похоже, решили забить на талый снег. В потёмках было не разобрать, как пройти к дому, не уделавшись. К хренам моржовым супермаркет. Закажу что-нибудь из ближайшего ресторана.

Решив так, я хотел свернуть к себе.

- Отстаньте! - вдруг раздалось сбоку. - Отстаньте от меня!

Затормозил. Кричала девушка, и... голос показался смутно знакомым. В мозг впаялся пронзительный вскрик, другие голоса - уже не девичьи.

Я бросился в переулок. В самом конце мелькнуло светлое пятно, рядом - тёмные тени.

- Достала уже со своей сестрой, сука ебанутая! - рывкнула одна из них.

Девушка снова закричала.

- Не надо! - Мне стало видно, как она загораживается от трёх парней. - Пожалуйста...

- Мы из тебя дурь живо выьем! - Один схватил её за куртку, толкнул к другому.

Чёрт! Когда я оказался рядом, она уже лежала на асфальте. Трое лбов швыряли её, как беспомощного котёнка. Сжавшись, она пыталась защититься, но куда уж.

В меня словно зверь вселился. Сумка с формой полетела на мокрую землю.

- Ты, блядь! - Я схватил первого попавшегося урода и с размаха всадил кулак ему в скулу. Недомерок отлетел к стенке.

За ним отправился второй. Третий дожидаться своей очереди не стал - сиганул в подворотню так, что только пятки засверкали. Хрен тебе, сучёныш. Я догнал его в несколько секунд. Встряхнул и придал ускорения. С девчонкой все трое были смелыми, а тут расползлись, как побитые дворовые псы.

Тяжело дыша, оглянулся. Кровь кипела. Если бы не прижавшаяся к стене девчонка, вернул бы всех трёх и как следует объяснил, что соперников надо выбирать себе по размеру.

- Ты... - Я присел рядом с ней и осёкся, наткнувшись на её взгляд.

Затянутые слезами зелёные глаза, растрёпанные, забитые снегом волосы. В уголке губ кровь.

– Ангелина? – переспросил глупо. Сам поразился, что её имя всплыло в памяти. Прошло уже больше недели с того матча.

Это действительно была она. Та самая девчонка. Шмыгнув носом, она вытерла кровь и попыталась встать. Пошатнулась. Я дёрнулся, придержал её.

– Я в порядке, – сказала сдавленно, сделав попытку высвободить руку.

– Заметно.

Девчонка отвернулась. Громко, рвано выдохнула и тихо застонала. Я подхватил сумку, вывел Ангелину из переулка и развернул к себе лицом. Заставил поднять голову.

– Ёб твою мать, – не удержался, увидев царапину на скуле.

Она слизнула каплю крови.

– Давай отвезу тебя в больницу.

– Не надо! – В её тихом, нежном голосе послышался испуг. Отразился он и в глазах. – Пожалуйста, не надо, – попросила она почти шёпотом.

– Ты их знаешь?

Она молчала. Долго. Опустила голову, и грязные волосы скрыли её лицо.

– Твои дружки? – Едва унявшаяся злость начала подниматься снова. И какого хрена я, спрашивается...

Но додумать я не успел.

– Не дружки. Они... Вернее, мы... Мы из одного детдома. Если я поеду в больницу, оттуда передадут в полицию. Только хуже будет. Они меня убьют. Изнасилуют и убьют.

Из одного детдома? Вспомнился билет без обозначения стоимости. Так вот оно что. Выходит, билеты сбагрили в детский дом.

Так мы и стояли, пока я думал, что делать с этим дерьмом. Я держал её за локоть, а она молчала. Тишину нарушали только проезжающие вдалеке машины. Кровь покатила по подбородку, и она стёрла её.

– Раз в больницу нельзя, – наконец решил я, – пойдём ко мне. – Взглядом показал на соседний дом. – Тут близко.

Она посмотрела из-под ресниц. Испытующе, смело и робко одновременно. Заметно было, что колеблется.

– Пойдём, – повторил я. – Не волнуйся, на твоё достоинство покушаться я не собираюсь. Мне это не нужно.

Всё время, пока я распатронивал аптечку, Ангелина просидела на краю в самом углу кухонного дивана. Без куртки она казалась ещё тоньше. Водолазка под горло скрывала всё, что только можно было скрыть, и при этом подчёркивала каждый изгиб тела. Белый цвет ей шёл. Я как-то само собой отметил это, только девчонка разделась.

Поставив стул, я сел напротив.

– Руку давай.

Она протянула ладонь. Кожа на ладони была содрана. Задрал рукав – следы от чужих пальцев, которые не скрывала свежая ссадина.

– За что тебя так? – Я провёл ватой с перекисью.

Ангелина не пикнула. Складывалось ощущение, что ей похрен, хотя рану наверняка драло. Вздохнула, и плечи её опустились.

- Они мне завидуют.

Я даже оторвался от дела. Посмотрел, ожидая продолжения.

Ангелина снова вздохнула.

- У них никого нет, а у меня есть старшая сестра. Полина.

- Так если она старшая, что же не забрала тебя?

- Она старше на пятнадцать минут.

Впервые я увидел её улыбку, продлившуюся долю секунды. Ангелина забрала у меня вату и прижала к уголку рта. На сей раз поморщилась.

- Двойняшки, что ли?

Смочил ещё одну.

- Близняшки. Мы с ней, как две капли воды. Нас даже родители путают. Вернее, - голос стал тише, да и сама она сникла, - путали.

В кухне повисло неловкое молчание. Прервала его, как ни странно, сама Ангелина:

- Мы с сестрой всегда вместе. Нас за это ненавидят. И родители у нас были, а у этих... - Она махнула рукой. - Кого-то от алкоголиков забрали, а от кого-то в детстве отказались. Вот.

- Что с вашими родителями случилось? - всё-таки спросил я.

- Авария. Папа сразу погиб, мама в больнице умерла. А мы... Нас в детский дом забрали.

– А родственники?

Ангелина отрицательно мотнула головой. Слипшиеся волосы тоже мотнулись. Словно поняв, что я заметил грязь, она убрала прядку за ухо. Посмотрела вначале из-под ресниц, потом прямо. Рука моя застыла на её. Каждый раз сталкиваясь с ней взглядом, я отмечал, какие красивые у неё глаза.

Не повезло девчонкам, что уж. Я не представлял, как это – лишиться сразу и отца, и матери. Да что там, я не представлял, как это – потерять хоть кого-то из них. Пусть отношения с матерью у нас были достаточно сложные, я бы порвал любого, скажи он в её сторону дурное слово.

– Давно они погибли?

– Четыре года назад. Мне кажется, что уже вечность прошла. А иногда я просыпаюсь и... – Глаза её стали влажными.

Не договорив, она прикусила губу, сжала кулак. Только я хотел сказать, что продолжать не нужно, как она сдавленно договорила:

– Иногда просыпаюсь, и как будто вчера всё было хорошо. Мы с сестрой, мама, папа. А потом начинается новый день, и...

На этот раз она замолчала, так и не закончив фразу. И опять уставилась на меня. Открыто, с грустью и наивностью, которой я раньше не замечал. Понятия не имею с чего, но стало ясно: раньше она никому этого не говорила. Разве что сестре, но это не в счёт.

– Можешь остаться у меня на пару дней. Надеюсь, ты не собираешься сегодня возвращаться к этой своре?

Она отрицательно мотнула головой.

– Хочешь позвонить сестре?

– Нет. – Она набрала побольше воздуха. Поднялась и прошла через всю кухню к окну. Только там обернулась. – Сегодня Полина сказала мне, чтобы я бежала и не возвращалась. И запретила звонить ей первое время. Она не должна знать, где я.

– А сама она что? Почему не сбежала вместе с тобой?

– Она другая. Такая же, но другая. Не знаю, как объяснить. Она может за себя постоять. – И опять этот неуловимый намёк на улыбку. – Она же старшая.

– На пятнадцать минут.

– На пятнадцать минут, – ответила Лина так серьёзно, словно каждая минута равнялась году. Глядя на неё, сложно было усомниться, что так и есть.

– Если так, можешь пожить у меня.

Какой чёрт дёрнул сказать это, я не знал. Видел её второй раз в жизни. Обычная девчонка, каких пруд пруди.

Ангелина натянулась струной. Слова висели в воздухе, сгущая напряжение. Я поймал себя на том, что, если она откажется, будет досадно.

– Просто так? – спросила с осторожностью.

– А как ещё?

Ангелина пожала плечами. В этом жесте было больше, чем если бы она принялась объяснять. Хотелось ухмыльнуться. Не вышло.

– У меня трёшка. Одна комната свободна. Так что да, просто так. – Я задумался на пару секунд. – Хотя нет. Будешь ходить за едой и готовить. И убираться. У меня с этим паршиво.

– И всё?

- И всё. Только тебя же искать будут.

- Будут. Но не найдут.

- Не слишком самоуверенно для детдомовской девчонки?

- Нет. В самый раз.

Не прошло и десяти минут, как я кинул на кровать в самой маленькой из трёх комнат постельное бельё. Простыня была серая, наволочка и пододеяльник – белые.

- Извини, некомплект.

- Переживу.

В этой комнате обычно ночевали пацаны, если оставались у меня. Но они тоже переживут. Тем более что чем яснее становились перспективы каждого из нас, тем реже мы зависали. При одинаковых исходниках я добился куда большего, чем любой из команды, и останавливаться не собирался.

Девчонка осмотрелась. Подошла к балконной двери, открыла и высунула нос на улицу. Джинсы на ней были узкие, потёртые, носки с разноцветными пальчиками.

- Через месяц мне будет восемнадцать, – сказала она ни с того ни с сего. – Надеюсь, нам с Полей дадут хотя бы комнату.

К чему это было, я не понял, но согласно кивнул. Месяц, значит. Месяц так месяц. Хотя бы на какое-то время после тренировки мне гарантирован горячий ужин. И компания зеленоглазой тоже. Учитывая, что в последнее время вечера приходилось проводить в обществе телевизора, не такая уж дурная перспектива.

Настоящее

Припарковав машину у ограды, я бесцельно уставился на здание детского дома. Во дворе лениво пинали мяч двое пацанов лет двенадцати, ещё один, чуть старше, мёл асфальт. Голову садануло шальной мыслью взять кого-нибудь из этих парней. Правда, желание прошло быстро. Ответственность за чужую жизнь – не моё. Одного раза хватило, чтобы усвоить это.

Я завёл двигатель.

Не нужно было приезжать сюда. Детский дом – не лучшее место для того, чтобы справиться с внутренней пустотой. И с воспоминаниями о том, что уже никогда не вернуть. О той, что уже не вернуть. Прошло десять лет, а это место не изменилось. Детский дом, где когда-то жила Ангелина. Откуда она сбежала.

Глава 4

Егор

Возвращаясь в Россию, иллюзиями я себя не тешил. Знал: будет хреново. Но не подозревал, что настолько. Не вспоминать прошлое можно было, лишь отрубив себе голову. Единственное, что помогало забыться, – лёд. Так что въёбывал я, не жалея себя. К чертям собачьим жалость. Жалость к себе и оправдания – две твари, не давшие многим хорошим парням реализовать амбиции. Именно это когда-то сказал мне бывший друг, за что я до сих пор был ему благодарен.

Пока стоял в утренней пробке, услышал собственный гороскоп на сегодня. Нечто вроде «придётся приложить усилия, чтобы намеченные дела были сделаны». Захотелось послать сидящих у микрофонов ведущих к дьяволу. Можно подумать, когда-то было иначе.

Тренировка была сложная. Что тому виной – изменившаяся погода, несостыковка планет земной системы или дрянное настроение – фиг поймёшь.

Приняв передачу, краем глаза заметил движение рядом с Кузнецовым. Какого хрена?

- Что встал, Дымов? - раздалось рядом.

В ногу что-то ударилось.

Богатырев, чтоб его! Повернулся к нему на долю секунды. Хотел было послать, но тут над катком прогремел голос Кузнецова:

- Перерыв пятнадцать минут!

Всё, что увидел, - спину тренера. И ещё мельком - девушку рядом с ним. Высокая, худая, она шла впереди.

Я впился в неё взглядом. Каштановые волосы собраны в хвост. Белый свитер, узкие джинсы. Почти сразу она скрылась под трибунами. В груди сдавило, башка поплыла.

- Кто это? - спросил кое-как у одного из парней.

- Кто? - Он посмотрел вслед Кузнецову. - Девица, что ли? Так это дочка нашего Аркадича.

- Дочка? Так она же в Америке.

Нападающий глянул на меня, как на дебила. Усмехнулся и отъехал. В висках стучало, уши заложило. Проход между трибунами опустел, а я так и стоял как идиот, глядя в пустоту. Белый свитер, каштановые волосы... Блядь! Либо я схожу с ума, либо происходит какая-то дьявольщина.

Полина

Оказавшись в кабинете отца, я почувствовала себя в безопасности. Стоило увидеть Дымова, броня дала трещину. Снова. Среди других хоккеистов узнала я

его мгновенно.

- Ты что хотела, Лин? - вернул меня в реальность отец.

Достав из папки несколько листов, протянула ему.

- Не могу выбрать, в какой цветовой гамме лучше оформить зал. Мне нравится лиловый, но подозреваю, на деле выглядеть будет пошло. Что скажешь?

Отец вернул мне распечатки.

- Скажу, что роль дуры тебе не к лицу. У меня тренировка в разгаре, и тебе это известно. А ты меня о цвете салфеток спрашиваешь! Да к хренам мне твои салфетки! Пусть хоть туалетная бумага стоит!

Я убрала листы. Отец хмурился. Само собой, плевал он на оформление зала к собственному юбилею. Если дело не касалось работы, он мог обойтись первым попавшимся: раскладушка или двуспальная кровать, вилка или ложка - разницы никакой. Лишь бы лёд залили вовремя и команда была в целости. Так что, распечатывая палитры, я заведомо догадывалась, чем кончится дело. Но этот повод появиться на катке был ничем не хуже других.

- Как дела у Дымова? - спросила я прямо.

- Нормально.

Я поглубже вдохнула. Расправила подол платья. Задала вопрос - получила ответ. Не придраться. В этом весь отец. Ладно.

- А если подробнее?

- Зачем тебе?

- Вообще-то, это я натолкнула тебя на мысль взять его, - напомнила я отцу. - Забыл?

Отец поджал губы. Аргумент, похоже, показался ему весомым. Хотя если бы он не хотел отвечать, выставил бы меня за дверь и вернулся к игрокам.

Узнав, что Дымова выперли из клуба НХЛ, я не удивилась. Скандалов с его именем было связано достаточно. Последний – затеянная им драка с одноклубником. В прессу это не просочилось, но связей у меня хватало. Самое интересное, что игрок, которому Дымов заехал в челюсть, оказался сыном большой шишки. «Шишка» терпеть не стала, Егору пришлось расстаться и с НХЛ, и с тёплым местечком. Вот только того, что он решит вернуться в Россию, я не ожидала. Когда же стало известно и об этом, долго я не думала. Друзей нужно держать близко, врагов – ещё ближе. А у отца как раз недоставало сильного игрока. Всё сложилось, как дважды два.

Обойдя стол, папа опёрся о край. Внимательно посмотрел на меня.

– У Дымова дрянной характер, но это не секрет. Когда я пошёл к хозяину клуба с предложением взять его, то знал об этом. Он лидер. Ему по плечу дерзкие решения, благодаря которым он не раз вырывал победу чуть ли не из глотки соперника. Чтобы так дерзить в игре, нужно уметь дерзить и вне её.

– И зачем ты мне это говоришь? Я спросила, как у Дымова дела, а не о его характере.

Отец немного помолчал. Его молчание вдруг стало напрягать, появилось ощущение, что то, что он скажет дальше, мне не понравится.

– Я хочу назначить его капитаном.

– Нет! – мгновенно среагировала я. Добавила уже сдержаннее: – Не надо.

– Он хорошо влился в команду, Полина. Мне нужен лидер, а этот парень способен вести за собой. Я знаю, что ты хотела видеть на месте капитана Фёдора, но это место не его. Он хороший нападающий, но не капитан. Уж прости.

– Да плевать мне, на каком месте будет Богатырёв! – Я резко встала. – Просто не хочу, чтобы на этом месте был Дымов, вот и всё! Я не хочу видеть капитаном

Дымова! Он не должен быть капитаном, Леонид! Он...

Под становящимся всё более тяжёлым и пристальным взглядом отца я замолчала. В кабинете вдруг стало настолько тихо, что я слышала собственное дыхание. Чёрт! Надо быть сдержаннее.

- Тогда зачем ты предложила взять его в команду? - спросил он, когда тишина стала давить на уши. - Не просто предложила - попросила.

- Это... - В горле вдруг стало сухо, голос осип. - Это личное.

- Тут не может быть личного. Это не мячик пинать во дворе. Это хоккей, Полина. Большой хоккей, большой спорт. - С каждым словом голос его звучал громче, резче. - Это большие деньги и большие результаты! Но прежде всего - это команда, мать твою! Ко-ман-да! Какое, на хрен, личное?! Я отвечаю за каждого из этих парней и всех их вместе! Я! - Он ударил ладонью по столу так, что подпрыгнула вазочка с мелочовкой. - Какое, на хрен, личное?! Ты знаешь, сколько в каждого игрока вложено?! Да что я... Всё ты знаешь! Здесь нету места личному! Нету!

- Да всё я знаю! - закричала в ответ. - Ты за команду отвечаешь?! За каждого из этих?! - Я махнула на дверь. - Да любой из них свалит, как только перед носом замаячит местечко послаще, и о тебе не вспомнит! Я не хочу, чтобы ты ставил Дымова капитаном! Жирно ему будет!

- Разговор окончен. - Отец подошёл к двери и распахнул её.

Я не двинулась с места. Упёрлась в отца взглядом.

- Поставишь его капитаном, я не разрешу тебе брать Тимоху.

Дверь отец закрыл, но ко мне не подошёл.

- Продолжай, - потребовал он. - Зачем ты попросила взять Егора Дымова?

Я сделала очередной глубокий вдох. Отец не сводил с меня взгляда.

– Хочу отомстить за Ангелину.

Взгляд папы изменился. Он с шумом выдохнул и всё-таки подошёл.

– Полин, ты опять? Это прошлое. Оставь ты это. Всё, хватит. Отпусти.

– Не могу, – призналась чуть слышно, одними губами. На глаза резко навернулись слёзы. – Я пыталась. Но я не могу.

Он вернулся к столу. Перелистнул какие-то бумаги. Выражение его лица было тяжёлым, задумчивым. Пока он молчал, я сумела справиться с эмоциями. Наблюдала за ним и ждала. Отец сложил листы в стопку, выдвинул ящик и, убрав, хлопнул им.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Но ты разрешишь Тиму тренироваться.

Я едва не застонала в голос. Сказал это отец бескомпромиссно, взгляд подтверждал: только так и никак иначе.

– Нет, – ответила тихо, но не менее твёрдо. – Мой сын никогда не будет заниматься этим проклятым хоккеем. Я скорее умру, чем допущу подобное.

– Ты ведёшь себя, как упрямая овца. У твоего сына талант.

– А ты откуда знаешь?

Отец молчал. В груди полыхнула ярость. За долю секунды она разгорелась в пожар. Вот, значит, как?!

– Откуда ты знаешь?!

– Твой сын должен играть, Полина. Я не одно поколение воспитал и вижу, что его место в спорте, а не на диване у экрана. Услышь ты меня, чёрт подери! Сына своего услышь! Пацан на лёд рвётся!

– Порвётся и перестанет! Что, ничего другого нет в жизни, кроме этого долбаного хоккея?! Что вы все на нём с ума посходили?! Что ты меня достаёшь?! Не будет Тим играть! Не будет!

– Да услышь ты меня! – Он взял меня за плечи. – Услышь, чтоб тебя! Я его дед, я ему добра хочу! Я твой отец!

Я дёрнулась.

– Ты мне не отец, – прошипела зло. – Ты мне никто. И Тиму ты никто. Я сама решу, чем будет заниматься мой сын. Сама решу, что мне с ним делать. И с Дымовым тоже всё решу сама.

Из кабинета вылетела как ошпаренная. Только когда в лицо ударил холодный ветер, слегка опомнилась. И сразу же пожалела о том, что наговорила. Во всём виноват Дымов. Каждый раз, как он появляется в моей жизни, всё рушится. Будь он проклят!

На ходу застёгивая пальто, я быстро пошла к машине. Нужно извиниться перед папой. Только как? Хотелось вырвать себе язык. Он ведь слушать меня не станет, с его-то характером. Какая разница, родной он мне отец или нет? Где бы я была сейчас, если бы не он? Да нигде! Меня, скорее всего, вообще бы уже не было. Ни меня, ни Тимохи.

Ругая себя на чём свет стоит, открыла дверцу.

– Полина! – донеслось вслед, едва я коснулась ручки дверцы. – Полина, подождите!

Сердце упало в живот и сразу подскочило к горлу. Не помня себя, села за руль. Не пристёгиваясь, завела двигатель. Взглянула в зеркало заднего вида. Одетый в хоккейную форму Дымов приближался. Только шлем снял и коньки.

– Господи... – Я ударила по газам. В стороны полетела грязная вода.

Сорвала машину с места и буквально вылетела с парковки. Пятьдесят километров, шестьдесят, семьдесят... Ощущение было, что за мной гонится стая

чертей. Только оказавшись на просторном проспекте, смогла выдохнуть. Снова посмотрела в зеркало, словно могла увидеть отражение Егора. Само собой, не увидела. Только прошлое, отражающееся в зеркале моей памяти. И зелёные глаза, так похожие на мои собственные.

Егор

Как истинный дебил, я провожал взглядом умчавшуюся хрен знает куда машину. Да что, ёбт, за херня?! Предположить, что дочь Кузнецова похожа на Ангела, ещё куда ни шло, что голос у неё такой же – хрен бы с ним, но какого лешего она умчалась от меня, как от чумы?!

Провожая взглядом серебристый седан, я пытался взять в толк, что происходит. Пытался и, чёрт подери, не мог! Сперва Кузнецов говорит, что его дочурка за бугром, потом её появление на катке и, как итог, это бегство – иначе не скажешь.

Чертыхаясь, зашёл обратно, но было уже не до тренировки.

Кузнецов поймал меня у раздевалки.

– Ты куда собрался?

Логично бы было спросить у него про дочурку. Только чуйка подсказывала, что в этой навозной куче лучше грестись самому.

Тренер смотрел цепко. Такого хрен проведёшь и хрен пошлешь. Да и, что уж, посылать его было не в моих интересах. Из НХЛ меня вышибли мастерски. «Беркут» оказался лучшим, что смогла предложить родная страна. Под жопу жали молодые и борзые, так что пришлось брать, что дают.

– Мать позвонила. Надо навестить, – процедил я сквозь зубы.

Кузнецов, как ни странно, обошёлся без угроз посадить меня на скамейку запасных.

– Мать – святое, – только и сказал он, хотя оба мы знали, что моя мать здесь ни при чём.

Через десять минут я уже сидел за рулём внедорожника. Смотрел на место, где стояла машина девицы, призраком прошлого прошедшейся по нервам.

«Ты где? – написал Макс. – Надо пересечься».

Агент перезвонил сразу.

– Что у тебя?

– Встретиться надо.

– А по телефону?

В принципе, ничего особенного для встречи не было. Это меня рвало на куски, но дело было на пару минут разговора.

– Найди мне фотографию Полины Кузнецовой. Дочки Леонида.

– Зачем оно тебе?

– Если прошу, значит, надо.

На том и порешили. Лишних вопросов Макс не задавал. Это была черта, за которую я и держал его около себя. Надо так надо.

Сколько просидел в машине – не знаю. Смотрел на маячащую в паре десятков метров дорогу и не мог взять в толк, что происходит. Может, я всё-таки свихнулся? Поехать бы на могилу, выжрать бутылку сорокоградусной и дело с концом. Только у кого узнать, где её похоронили? Кому нужна девка без рода, без имени? Прошуршал бы это дело сразу, может, чего бы и добился, но даже тут я опоздал.

Телефон ожил. Я удивился было скорости Макса, но это был не Макс. На дисплее высветилась фотография женщины, за которую я был готов порвать и звонок от которой принять готов не был.

Мелодия продолжала звучать. Я смотрел на снимок матери с осознанием, что надо взять трубку. Только под конец пересилил себя.

- Что тебе? - ответил нехотя. - Ты по делу?

- Хотела просто услышать тебя.

- Услышала.

Она замолчала. Я тоже. За десять лет сказанное друг другу можно было пересчитать по словам.

- Ты в порядке?

- В полном. Тебе что-то нужно?

Знал, что, если было бы нужно, она бы обратилась к отцу. Но не спросить не мог. Порой думал, как бы сложилось, если бы не она. Мать стала связующим звеном в цепочке необратимости. И простить ей это я не смог до сих пор.

- Я рада. Ты занят?

- Занят.

Свободной рукой я завёл машину. Стекло покрылось водой. Чёртов дождь.

Вырулил со стоянки. Мать некоторое время молчала. А меня накрыло пониманием, что я хотел бы стать ребёнком. Но время неумолимо.

- Позвони, когда сможешь, - сказала она. - Приезжай. Я сделаю твои любимые макароны.

– Я больше не люблю макароны, мама, – ответил зло. Но злился больше на самого себя. Включил дворники и, ожидая ещё чего-то, вырулил на дорогу.

Мать неловко помолчала и попрощалась. Сам я неловкости не чувствовал. Только горечь. Если бы не она... Если бы.

В квартире было пусто. В прямом смысле. Плеснув в бокал виски, я развалился на диване. Спортсмены не пьют? Бред собачий. С расстояния в несколько метров уставился на наш с Ангелинкой снимок и чуть не зарычал. Прошое. Оно било по мозгам безжалостно. Снова и снова. Наотмашь, без права на ответку.

Прошое

Квартира встретила запахом еды. Кинув сумку в коридоре, я прошёл в кухню и сразу же столкнулся с Ангелиной.

– Ты как раз вовремя, – улыбнулась она. – Только что плиту выключила.

Всё-таки возвращаться домой с момента её появления стало чертовски приятно. Если раньше приходилось заморачиваться мелочами, сейчас можно было просто идти домой.

Ангелина подошла, привстала на носочки и быстро поцеловала меня в щёку. Смутилась, глянула из-под ресниц.

Её манера смущаться мне нравилась. Не то что многие вешающиеся на шею девицы без стыда и совести. Таких трахать, да и только. А с Ангелочком было по-другому. Жила она у меня уже неделю. За это время ничего такого. Только с каждой минутой рядом с ней всё яснее было – цепляет. Эти зелёные глазищи, кожа, губы.

– И что у нас сегодня на ужин? – Я заглянул в сковородку. Ни хрена не понятно. Месиво какое-то.

– Рагу. Телятина с овощами. И... Сегодня же суббота. У тебя завтра выходной. Может, по бокалу вина?

Только я хотел сказать, что не против, как кого-то принесла неладная. Дверной звонок наярив. Ангелина растеряла и так неприсущую ей бойкость.

– Кто это? – спросила она осторожно.

Как бы она ни кичилась, что её не найдут, – боялась. Эту тему мы не поднимали, но я чувствовал, что девчонка насторожена. Да и могло ли быть иначе?

Открывать я не спешил: сам не ждал гостей. Тут зазвонил телефон. Глянул на дисплей – мама.

– Привет, – ответил я с неохотцей.

– Ты дома?

– А это ты, что ли? – Я почувствовал облегчение. Ангелинка тоже расслабилась, глядя на меня. – Сейчас открою, погоди.

Выжидающий взгляд зелёных глаз не оставлял шанса промолчать. Да едрит твою налево! То ли оставить её у себя было самым правильным моим решением, то ли самым дурацким. Я склонялся к первому.

– Это мама.

– Мама? Твоя мама? – Она, казалось, испугалась больше, чем если бы за дверью стоял отряд спецназа.

– А чья ещё?

Дурацкая фраза. Понял это, только когда она прозвучала. Но слово – не воробей, да и Линка, кажется, не среагировала.

Оставив её в кухне, я вернулся в коридор. Мама стояла на пороге с пакетом. Учув запах еды, посмотрела недоверчиво. Но сразу же взгляд её переметнулся, потому что в проёме кухни показалась Ангелина.

– Это ещё что? – Мама остро глянула на меня и снова на неё. – Что это за девица?

– Мам...

– Кто это, я тебя спрашиваю, Егор?

Тихое «здравствуйте», оброненное Линкой, осталось без внимания. Мама так и впивалась в неё взглядом.

– Я лучше подожду в комнате.

Ангелина прошмыгнула мимо нас и скрылась за дверью. Мама посмотрела ей вслед и прошла в кухню. Расставленные на столе тарелки и запах еды вызвал у неё ещё большее недовольство. Черты её обычно красивого, с оттенком аристократичности и высокомерия лица стали жёстче, острее. Чем это грозит, мне было хорошо известно. Чёрт подери! И дёрнуло же её появиться без предупреждения!

– Мам...

– Я для чего тебе квартиру купила? Чтобы ты сюда шваль водил? – резко и громко спросила она. – Что это за девица, я тебя спрашиваю?

Челюсти сжались сами собой. Кулаки тоже.

– Говори тише.

– С какой стати?

– Как будто сама не понимаешь.

Она понимала. Как раз таки хорошо понимала. Осмотрела кухню, стол, задержалась взглядом на раковине с грязной посудой, на старых Линкиных джинсах, висящих на подлокотнике дивана. Бирка была дешёвая, рядом со швом – зашитая дырка. От взгляда матери не укрылось ни то, ни другое.

– Хорошо устроилась, шалашовка.

– Ты её не знаешь, чтобы говорить такое.

– Мне и не нужно знать, я достаточно живу на свете. Что это за девица, я тебя ещё раз спрашиваю? Откуда она взялась?

– Это не девица! – Я начал выходить из себя. – Это моя девушка. И будь добра, придержи язык.

– Ты как со мной разговариваешь?!

– А как мне с тобой разговаривать?! Ты пришла без приглашения, оскорбляешь Линку! И хочешь, чтобы я с тобой по-другому разговаривал?! Какого ты в мои дела лезешь?! Я взрослый мальчик, без тебя разберусь, что мне делать! Какого лешего ты тут вообще забыла?! Заняться нечем?

– Чтобы прийти к сыну, мне приглашение не нужно!

– С этого дня нужно. – Я показал на дверь. – Уходи, мам. И в следующий раз предупреждай, если захочешь прийти.

Разговор резко оборвался. Мама ушла, не сказав больше ни слова. Только в коридоре посмотрела на меня с гневом и хлопнула дверь.

– Блядь! – процедил я, в сердцах пнув угол тумбочки. – Лина! – позвал громко.

Линка не отозвалась. Ни слова, ни полслова. Да блядь! Мало мне матери, ещё и эта будет выпендриваться!

Приподнятое до этого настроение скатилось в яму. Более неудачного момента, чтобы появиться, мать выбрать не смогла. В этом была она вся.

– Лина! – рявкнул я ещё раз. И опять ничего.

Выругавшись, открыл её комнату и...

– Да чтоб тебя! – процедил сквозь зубы.

На всякий случай заглянул в свою спальню, в третью комнату – ни хрена. Кроссовок Линки тоже не было, только джинсы на диване. Резко накатил не пойми откуда появившийся страх. У неё даже телефона нет. Только куртка и дешёвые домашние штаны, которые я купил ей пару дней назад. И как её искать?! На улице херачил дождь, куда она могла пойти, я не имел понятия. Схватил ключи, наскоро обулся и вылетел из квартиры. Уже у подъезда накинул капюшон.

– Лина! – рявкнул так, что у самого заложило уши. С ограды рядом вспорхнула птица.

Двор был пустым и безлюдным. Я бросился между домов, в переулок, откуда забрал Ангелину несколько дней назад. Пусто. Везде пусто! Вдруг заметил пятно на площадке в соседнем дворе. Присмотрелся. Под крышей низкой детской горки что-то мелькнуло.

В секунду перемахнул через ограду, ещё через одну. Лина заметила меня, но сбежать не попыталась. Сидела на перекладине, как воробей на жёрдочке.

Чтобы не шибануться о крышу, пришлось нагнуться. Но здесь хотя бы было сухо.

– Какого чёрта ушла? – спросил с непонятно откуда взявшейся злостью. Да я реально был зол, причём сейчас не на мать – на эту зеленоглазую.

– Отвечать обязательно? – спросила она язвительно.

Только глаза выдавали, что до язвительности были слёзы.

Я хмуро смотрел на неё. Не прошло и пяти секунд, как подбородок Лины задрожал, а глаза опять наполнились слезами. Отвернувшись, она всхлипнула.

Плечи затряслись. Я коснулся её, и она сразу дёрнула плечом.

– Не обращай ты внимания на мою мать. Она в целом неплохая. Порой её заносит, но с этим ничего не поделаешь. Я у неё единственный ребёнок, она меня безумно любит. Думаю, поэтому и шпарит порой дичь. Лин...

Ангелина замотала головой. Надрывисто вздохнула, вытерла слёзы и снова заплакала.

– Тебе... Тебе повезло, – сквозь плач выдавила она. – У тебя мама есть. А я... Права она, Егор. Кто я такая? Кто? Я... Я, наверное, уйду. Так лучше будет.

– Вообще-то я сказал, что ты моя девушка, – признался я, снова касаясь её плеча.

Она резко вскинула голову. Лицо было заплаканным, зелень глаз стала особенно выразительной от влажного блеска. Губы Лины приоткрылись.

– И зачем? Зачем ты соврал?

– А что, если не соврал? – тихо спросил я, присаживаясь на перекладину рядом.

Держал взглядом. Зачем соврал? Да хрен знает. Само собой вырвалось. Но сейчас понимал: почему бы и нет. Неспроста же появился страх, когда она ушла. И к себе её забрал я тоже неспроста. Да и сейчас чувствовал нечто такое... То, чего раньше не было. Тепло, что ли. Внутри себя, в сердце.

– Не шути так, – прошелестела она глухо.

– Я не шучу.

Мы замолчали, а дождь продолжал барабанить по металлической крыше. В скворечнике детской горки, отделённые от всего мира водяной стеной, мы просто смотрели друг на друга.

– Я не отпущу тебя, Ангел. На улице тебе не место.

– Только поэтому не отпустишь?

– Не только. Ты готовишь вкусно. И... ты, как-никак, теперь моя девушка. С чего мне тебя отпускать?

– Я ещё не соглашалась, – тихонько сказала она.

Я приобнял её, подтянул к себе. Второй рукой стёр остатки слёз. Мягко, почти невесомо коснулся её губ своими.

– Пойдём домой, Ангел. Погода – дрянь. Ты вон мокрая вся. Не хочу, чтобы моя девушка валялась с соплями.

– Я ещё не соглашалась, – прошептала она, и дыхание её коснулось моих губ. Мягкий, невесомый поцелуй. Запах весны и дождя.

Поцеловал её чуть настойчивее. Губы её были мягкими и солёными от слёз, а ответный поцелуй – совсем неумелым.

– Ты – моя девушка, – повторил я.

На этот раз она не возразила. Посмотрела из-под ресниц и коснулась руки холодными пальцами.

Глава 5

Егор. Настоящее

Пока ждал новостей от Макса, успел наведаться к спортивному центру, где не был уже десять лет. Та же история, что и с поездкой к детскому дому – не стоило. Хотя на этот раз меня даже не зацепило. Как вернулся, ни разу тут не был. Да и зачем? Тренерский штат сменился. А стены... Стены они и есть стены.

Оставив машину у дома, решил пешком пройтись до супермаркета. Благо дождь наконец прекратился. Только вместо супермаркета оказался я в соседнем дворе, у той самой площадки, где когда-то нашёл Ангелинку. Где впервые попробовал на вкус её губы. Горки не было. Не было и качелей, на которых уже позже я раскачивал её в одну из апрельских ночей. Вместо этого – новенький навороченный детский городок.

– Хорошо сделали, правда?

Я повернулся на голос. В метре от меня стояла бабка с укутанным как капуста кочерыжкой пацанёнком лет трёх.

– Мы столько писали, чтобы сделали детскую площадку. Горка была совсем никудышная, да и качели скрипели. А уж паутинка... До депутата дошли.

Я молчал. «Капустный кочерыж» хлопал длинными ресницами и тоже молчал. Зато бабка продолжала заливаться:

– Обязательно буду голосовать за него на выборах. Он ещё обещал...

Хотел посоветовать ей не о выборах думать, а внука своего для начала расчехлить. Но не посоветовал. Пошёл дальше. Не мне, в конце концов, советы раздавать. Своё нужно было беречь, глядишь, меньше бы думал о старой горке и пошедших на металлолом качелях.

Макс позвонил, когда я, нагруженный пакетами со жратвой, подходил к дому.

– Хрень какая-то, – едва ли не с первых слов вывалил он, – фотографии Полины Кузнецовой нигде нет. Есть несколько снимков Леонида, но он либо один, либо с командой. Кузнецов не из тех, кто любит светиться.

– А социальные сети? Она же журналистка.

– Ничего, Егор, – сказал он уверенно. – Оно и странно.

Я было выругался. Чтобы по нынешней жизни в сети ни одной фотографии, тем более если человек связан со СМИ? На это нужно иметь серьёзные причины. Либо прикладывать усилия, чтобы не засветиться. Но и это не может быть просто так.

- Вообще ничего?

- Дай мне ещё немного времени. Знакомый обещал помочь.

- Сколько, блядь, тебе ещё нужно времени?! Тварь, которая статейки строчит, ты найти не можешь, фотографию Кузнецовой тоже. Макс, мать твою, за что я тебе деньги плачу?!

Телефон пикнул. Глянув на дисплей, я увидел пришедшее от агента сообщение.

- Это ещё что?

- Адрес Полины Кузнецовой. Пока что достал только его.

Открыл. Что за... Даже пакеты поставил.

- Так она в Штатах или нет, я не пойму?

- Кто тебе сказал, что она в Штатах?

- Кузнецов.

В трубке повисла тишина. Я так и видел, как нахмурился Макс. Сам я тоже мрачно перечитывал адрес. Название улицы было знакомым. Если память мне не изменяла, это было неподалёку от парка, куда я когда-то ездил на открытый зимний каток. Туда же весной и летом возил Линку. Цветущая сирень, спрятанные в тени деревьев скамейки и узкие боковые дорожки. Да, это точно было там. В память намертво врезалась вывеска на углу дома с названием улицы и номером рядом с боковым входом. Сколько раз мы покупали мороженое в стоящем на углу ларьке, не сосчитать.

- Ты тут?

Я и забыл про Макса.

- Да.

- В чём дело, Егор? Зачем тебе Полина Кузнецова?

- Да так... Призраки прошлого в последнее время одолевают. Но это не твоё дело, Макс. Просто найди её снимок. - Я помедлил. Стоило всё же отдать Максиму должное. - Спасибо за адрес.

- Не натвори глупостей, Дымов.

- Не волнуйся, не натворю, - ответил я, мысленно добавив, что больше, чем уже натворил, натворить не смогу, даже если изогнусь крендельком.

У дома тренерской дочки я оказался только вечером. По пути забарахлили дворники, пришлось заехать в автосервис. Хотел было плюнуть, но ехать наугад сквозь того и гляди обещающий снова начаться дождь желания не было. Только припарковался и, сверившись адресом, хотел выйти из машины, к подъезду подкатила ещё одна. Остановилась напротив.

- Что за... - процедил я, решив подождать.

Машина была мне знакома. Очень хорошо знакома, чтоб её. Каждый день видел на парковке рядом с катком. Мне повезло - остановился я за другим внедорожником, так что с ходу видно меня не было. Зато сам я хорошо видел водительскую сторону.

Сперва открылась передняя дверца со стороны водителя. Богатырёв, сукин сын. Этот-то что тут забыл?

Ответ ждать пришлось недолго. Обойдя автомобиль, он открыл дверцу со стороны пассажира. Девушка. Всё, что смог рассмотреть, - тёмные волосы и пальто по колено. На дочке тренера было такое же.

- Проводить тебя? – донеслось до меня.

Богатырёв приобнял девицу. Та приподнялась, встала на носочки. Скрытая тенью, она оставалась силуэтом, но в голове так и сверкало. Они скрылись в подъезде, а я сидел, глядя на закрывшуюся дверь.

Буквально через минуту Богатырёв опять появился на улице, теперь один. Только он отъехал, я вышел из машины и набрал номер квартиры. Домофон запиликал: ни вопросов «кто», ни звука.

Пока пешком, перемахивая через ступеньки, поднимался на этаж, думал, свихнусь. Звонок вдавил с такой силой, что тот завизжал внутри квартиры.

Лязгнул замок.

- Федь...

Зелёные глаза в обрамлении тёмных ресниц. Зелёные, мать её, глаза. Тёмно-каштановые волосы, бледная кожа.

- Полина... – просипел я.

Она вдохнула и, только я хотел пройти, захлопнула дверь. Так резко, что я не успел ничего сообразить.

- Полина! – Я несколько раз ударил кулаком. В ответ тишина. Глухая тишина, нарушаемая только гулом собственного пульса в висках.

Сколько долбил в дверь, итог был один – тишина! Мог бы подумать, что всё это игры воображения, но пары секунд оказалось достаточно, чтобы узнать в дочери тренера повзрослевшую Ангелинку. Повзрослевшую на десять лет. И имя – Полина. Только при чём здесь Леонид?! Как вышло, что сестра Ангела носит его фамилию?!

Ничего не соображая, я вылетел на улицу. В дверях столкнулся с пацанёнком. Тот задрал голову, чуть ли рот не раскрыл. Высокий, светлые волосы падали на

лоб. У меня сейчас мог быть такой же. Мог бы! У меня много чего могло бы быть, но не было ни хрена. Только новые и новые вопросы.

– Макс! – рявкнул я в трубку.

– Я отправил тебе снимки. Только сам хотел тебя набрать.

– На хрен мне уже снимки не нужны. Продолжай искать того, кто строчит статьи.

– А Полина? Ты же говорил, она обещала помочь.

Я втянул воздух. Обернулся на дом. Говорил. Но теперь уже сам не знал, за какие концы дёргать и что по факту выдерну.

Завершив вызов, открыл сообщение. Всего два файла: на первой фотографии высокая девушка в брючном костюме, с собранными в хвост волосами. На втором она же рядом с Леонидом. Полина Кузнецова. Нет... Полина Пепелева.

Говорят, у каждого человека есть двойник. У Ангелины он тоже был – сестра. И это точно была она.

Полина

В замке провернулся ключ. Смотря на дверь, я с ужасом понимала, что сейчас она откроется и...

– Мама! – В квартиру буквально ворвался Тимоха. – Мама, ты не представляешь, кого я только что видел!

Сердце бухнулось с такой силой, что перед глазами поплыло, а дышать стало трудно. Глаза сына так и горели. Кого он мог видеть, я как раз таки представляла. За миг в голове пронесся миллион мыслей.

– Я захожу в подъезд, а там...

- Успокойся, - попробовала я остановить его. Слышать имя не хотелось.

Но Тим не остановился.

- Егор Дымов! Он раньше в НХЛ играл, а потом... - Сын осёкся. Взгляд стал осмысленным, потом подозрительным. - Он к тебе приходил?

- С чего ты взял?

Облегчение, которое я почувствовала, поняв, что встреча сына и Дымова была мимолётной, напомнило сбивающую с ног волну. Чтобы не выдать себя, я присела на край тумбочки. Тимошка нахмурился, начал раздеваться.

- Да так... - буркнул он. - А к кому ему ещё приходиться?

- Мало ли. Мы же не одни тут живём.

Сын недоверчиво посмотрел на меня из-под бровей. Я напустила на себя небрежный вид.

- Он странный был. - Тим снял куртку и протянул мне.

Я показала на шкаф, но Тимоха так и держал её, хотя давно стал самостоятельным парнем. Уж точно в том, чтобы раздеться, помощь ему не требовалась.

- Ладно, ужинать пойдём. Ты время видел? Где ты вообще был? Должен был ещё двадцать минут назад вернуться.

- На продлёнке задержался. - Сын пошёл было мыть руки, но остановился. - Мам, а познакомь меня с Егором. Ты же можешь?

- Нет, - отрезала я.

Тим не двигался с места.

– И дедушка не может?

– Не может. – Я вздохнула. – Иди мой руки. Я тебя жду.

Познакомить с Егором? Внутри рождественскими бубенцами зазвучал иронический смех, смешанный с похоронным маршем и волчьим воем. Никогда. Никакого хоккея, никакого льда, и тем более никакого Дымова. Ни за что. Только что делать, если Егор придёт снова? Он узнал меня и обязательно придёт. Ответ один – бежать. Только куда? На другую квартиру? В другой город, в другую жизнь? Точно нет.

Егор

Ещё не рассвело, когда я въехал на парковку у комплекса. Машина стояла всего одна. Кузнецов всегда приезжал спозаранку. Слышал как-то, как парни из команды ржали, мол, ночует на катке. Только самому мне было не до смеха.

Сонный вахтёр вяло поприветствовал меня и поплёлся за кофе.

– Кузнецов у себя? – окликнул я.

Вахтёр кивнул.

– Приехал незадолго до вас.

Выходит, на катке он всё-таки не ночует. А было бы кстати. По крайней мере, сегодня. Потому что сам я ни хрена не спал. Колесил по Садовому до тех пор, пока глаза не начало драть. Нажрался бы, да только давно усвоил: от выпивки толка никакого, становится лишь хуже. Мало того, что ничего не вернёшь, так ещё и потеряешь то, что есть.

Громко постучав, я открыл дверь тренерской. Кузнецов вскинул голову. На лице ясно читалось: я последний, кого он рассчитывал увидеть.

Ничего не говоря, я подошёл к столу и кинул распечатанные снимки. Ему хватило взгляда, чтобы уловить, кто на них.

– Она не в Америке.

Кузнецов промолчал. Меня раздирало на куски, а он молчал! Снова посмотрел на фотографии, затем на меня.

– Может, её и зовут Полина Кузнецова, но она не ваша дочь. Я знаю её. Её фамилия Пепелева. Полина Пепелева.

И опять ответом мне был взгляд тренера. Ещё более тяжёлый и пристальный, убедивший меня в собственной правоте.

Дверь в кабинете была одна. Служила она и входом, и выходом. Кузнецов отлично понимал, что раз я сюда вошёл в это дрянное мокрое утро и с этими снимками, то выйду только с ответами.

Поднявшись, он поставил чайник. Бросил по пакету чая в чашки, не спрашивая, положил по три куска сахара.

– Полина – моя дочь, – сказал он, не глядя на меня. – Приёмная дочь.

Я сжал зубы. Чайник шумел всё громче и громче. Леонид задвигал ящиками. На стол полетела надорванная пачка печенья. Я ждал, когда он продолжит, но долго делать это не пришлось. Чайник не успел выключиться, как Кузнецов заговорил:

– Я удочерил Польшку около десяти лет назад. Если ты знаешь её, должен знать, что случилось с её семьёй.

Само собой, я знал.

Леонид глянул мельком. Я молчал.

– Мы с её отцом были друзьями. Когда он пришёл к нам штатным врачом, я только начал тренировать. Ну и как-то пошло... А потом эта авария. Я сразу хотел помочь, но жена была против. Старая корова! – выругался он в сердцах сквозь зубы. – Надо было сделать по-своему. Своих детей у нас не было, но она

всё на что-то наделась. Бабе под жопу полтинник пёр, а она не хотела признавать, что бесплодна. А я, дурак, всё слушал... – Он поморщился.

Чайник щёлкнул, и Леонид разлил по чашкам кипятка. Поставил на стол, кивнул на печенье. Мне кусок в горло не лез, а он взял одно, подсохшее, и откусил. Запил чаем.

– Вот, собственно, и всё. Как только мы развелись, я забрал Польшку.

– Ей же уже было восемнадцать.

Он криво хмыкнул. Этой ухмылки было достаточно, чтобы мне стало ясно: связи и деньги делают возможным невозможное. Разве что воскресить не могут, всё остальное зависит от их количества.

– А зачем вы сказали, что ваша дочь в Америке?

– Поля не любит посторонних. Тем более не любит, когда к ней суются. Она и на журналиста решила выучиться, чтобы от этого избавиться. В какой-то мере это помогло, но границы личного пространства для неё так и остались границами. Ей здорово досталось от этой грёбаной жизни, поэтому судить её я не берусь.

На стол передо мной встала чашка. Чёрно-коричневый ярлычок болтался на тонкой нитке. Глядя на него, я думал, что я сам, как этот ярлычок, болтаюсь в жизни с того дня, как самолёт унёс меня в Канаду. И толку с того, кем я стал, если потерял куда больше?

Кузнецов сел в кресло, кивком указал мне на диван. Я принял приглашение. Чай и печенье тоже принял. Что ещё оставалось?

Мы сидели, не говоря друг другу ни слова, пока чашки не опустели. Пачка печенья тоже закончилась, а ночь за окном сменило хмурое осеннее утро.

– Тренировка через полчаса, – сказал Леонид, посмотрев на часы.

Я скривил губы. Да к чертям собачьим тренировку.

– Это случайность, что я оказался в «Беркуте»? Странное совпадение, не находите?

– Когда мне было двадцать, – немного поразмыслив, выговорил он, – я встречался с девушкой. Её звали Любой. У неё была младшая сестра, Полина. В общем-то, это ничем не закончилось. Но потом я всё равно женился на Любе, только на другой. И удочерил Полину. Жизнь состоит из случайностей, Дымов. Хотим мы этого или нет. – Кузнецов снова замолчал. Потом показал на дверь и хмыкнул: – Вали давай. У меня куча дел до начала тренировки. Я и так потратил на тебя целый час.

Глава 6

Полина

Всю следующую неделю я ждала появления Дымова. Ждала, что он приедет, что будет караулить меня у двери, что выловит в магазине у дома, что появится на пороге в форме доставщика еды... Ожидание превратилось в манию.

Только он так и не появился.

Несколько сообщений и пара звонков, на которые я, конечно же, не ответила, – вот и всё.

– Mam, а давай сегодня пиццу сделаем? – Сын встал на пороге спальни.

Я как раз заканчивала статью. Повернулась к нему и на секунду забыла, как дышать. Тим смахнул взъерошенную чёлку. Поправил сползающие штаны.

Было воскресенье, выходной. За окном сыпал первый влажный снег. Кое-как я заставила себя отвести взгляд и мельком, уже по привычке, посмотрела на телефон. За вчера и сегодняшнее утро ни одного сообщения. Что задумал Дымов? Или я себя накручиваю?

– Давай, – согласилась, закрывая ноутбук. – Только я не помню, есть ли у нас тесто. Проверь, и если нет, закажи.

Он нахмурился. И опять меня захлестнуло чувство, которого просто не должно было быть.

– А я с дедушкой только что разговаривал, – сказал Тим, когда мы пошли в кухню. – Представляешь, они всухую вчера разгромили. Весь стадион на ушах стоял. А Егор Дымов вообще хет-трик сделал!

Я застыла посреди коридора. Господи, какая же я дура! Только теперь до меня дошло, что отец с командой на выездных матчах. И ведь он говорил, ещё до нашей ссоры. Как я могла забыть?!

Чуть не застонала в голос, остановил только недоумённый взгляд сына. Пришлось сделать вид, что меня его слова не заинтересовали.

Подойдя к холодильнику, я открыла морозильную камеру и стала искать тесто для пиццы. Несколько раз проверила всё, а в голове так и стучало «идiotка».

– Тесто кончилось, – подытожила я тщетные поиски. – Надо заказывать. Или в магазин идти.

– Mam... – Сын отстранил меня, выдвинул нижний ящик и достал упаковку. Посмотрел с осуждением. – Ты его несколько раз трогала. Может, ты заболела?

Тимоха сделал попытку дотронуться до моего лба, как обычно делала я. Я поймала его руку.

– Просто... – Что «просто», не знала сама. Ничего не просто. Какое тут «просто»?! – Ладно, Тим. Давай готовить. А то и правда есть хочется. Только сыр трётся ты. Я терпеть это не могу, сам знаешь.

Егор

Серия выездных матчей не принесла ничего, кроме усталости. Ребята были на взводе: после каждой игры нас окружали фанаты. Пару девок я таки трахнул, но... Ничего, блядь. Чисто физическая разрядка.

Первая же тренировка после возвращения принесла больше удовлетворения, чем все загнанные в ворота соперника шайбы. Сидя в раздевалке, я смотрел на парней, но ни черта не замечал. А стоило закрыть глаза, как перед глазами возникал силуэт высокой тощей девчонки. Как сложилось, что я угодил в команду Леонида Кузнецова? А, впрочем, чего удивляться? Жизнь – та ещё изобретательная сволочь.

– Свою-то приведёшь? – вырвал меня из мыслей голос одного из пацанов.

Сегодня Кузнецов был в приподнятом настроении, даже отпустил нас раньше. То ли победа в крайнем матче его взбодрила, то ли факт, что он дотянул до шестидесяти. Хорошая дата, нечего сказать.

Богатырёв стоял, голый по пояс. Через шею было перекинута полотенце. Но видел я не его – их с Полиной.

– Вряд ли. – Он раскрыл шкафчик. – Она не любит бывать на виду.

– Это ж день рождения батьки, как-никак, – хмыкнул кто-то из парней.

Богатырёв отмахнулся. Послал спросившего на хрен и стал одеваться. Подумалось, что в этом сестры схожи. Ангел тоже не любила тусовки.

– Польша твоя странная.

Я как раз надел свитер, когда по ушам резануло имя. Захотелось поморщиться.

– Нормальная моя Польша! – рыкнул в ответ Богатырёв. – Тебя это вообще не касается, Касаткин. Она тебе не зверёк в контактном зоопарке, чтобы водить её, куда ей не нужно.

– Так что, не придёт она? – подал голос другой парень из команды.

- Сказал же - вряд ли.

Касаткина это и правда не касалось. Других тоже. Не любит Полина сборища - её дело. Видать, это у них родственное. А говорят ещё, близнецы во многом непохожи.

Продев голову в горловину, я посмотрел на Богатырёва. Тот застёгивал куртку. Вот же... В уме не сходилось, как может быть такое. Мало того, что спустя десяток лет я всё же познакомился с сестрой Ангелины, так ещё и этот недоумок трахает именно её. Уж не считая, что Полина - приёмная дочь моего тренера. Да и вообще... Ирония судьбы, блядь, ничего не скажешь.

Только накинул на плечо лямку сумки, меня остановили.

- Ты ко сколько будешь, Дымов? - вратарь придержал за лямку.

- У меня дел по горло. Передавайте мои поздравления Кузнецову.

- Ты не придёшь, что ли?

- Не приду, - бросил я сквозь зубы. - Завтра поздравлю.

Глава 7

Полина

- Выглядишь охрененно.

Покосившись на Федю, я вздохнула. Никак не могла отделаться от мысли, что лучше остаться дома. Но по отношению к Леониду это было бы свинством, а я и без того не могла избавиться от чувства вины за необдуманные слова.

- Ты говоришь это каждый раз, когда мы куда-то идём.

– Что же я могу поделаться, если каждый раз, когда мы куда-то идём, ты выглядишь охренительно?

Богатырёв открыл передо мной дверь закрытого на спецобслуживание ресторана.

– Только когда мы куда-то идём? – Я не сдержала улыбки.

– Вот же женщины... – хмыкнул он и махнул рукой – Само собой, нет. Но мы с тобой редко где-то бываем, Поль. Поэтому видеть тебя в платье и на каблучищах...

– Ладно, всё понятно, – остановила я его пламенную речь. Коснулась его груди и выразительно посмотрела в глаза. – Я всё поняла.

Он поцеловал меня. Быстро, фактически мимолётно. Вокруг никого не было, но я всё равно ощутила неловкость и поспешила отойти. Не говорить же Феде, что, не обмолвись он о том, что Дымова не будет, я бы и сегодня никуда не пошла? Рано или поздно мы должны были встретиться. Только каждый раз думая об этом, я понимала: не готова.

Фёдор подошёл, помог снять пальто. Пальцы его словно невзначай прошлись по коже у края платья.

– Давай чаще выбираться вместе.

Я поймала его взгляд в большом, на всю стену, зеркале. Во мне самой-то было за метр семьдесят, а Богатырев возвышался надо мной на целую голову.

Засмотрелась на наше отражение. Моё серебристое платье контрастировало с его строгим чёрным костюмом, собранные в высокую причёску волосы открывали шею. Пожалуй, он прав: выгляжу я охрененно. Ещё бы и чувствовала себя так же...

– Посмотрим, – ответила, отводя взгляд, и, оставив его с вещами, пошла к залу, откуда доносилась музыка.

– Пап, можно тебя? – дождавшись, когда отец закончит разговаривать, позвала я.

Само собой, сегодня он был в центре внимания. Пару раз уже прозвучали поздравительные тосты, но то, что я хотела сказать, предназначалось только ему.

Я взяла его за руку.

– Спасибо тебе. Всё, что у меня есть, есть только благодаря тебе. Мне стыдно за то, какой я порой бываю. И за то, что я тогда в кабинете сказала...

– Ты уже извинилась.

– Да. Но...

Он сжал мою руку. Спокойный, уверенный, вселяющий надежду взгляд. Леонид всегда смотрел именно так.

Края его жёстких губ приподнялись.

– Ты была неправа и попросила прощения. На этом конфликт исчерпан, Лина.

– Спасибо, – шепнула я в ответ и обняла его. – За то, что ты такой. Ты не только мне будущее подарил, ты... – Я отстранилась, посмотрела на него. Глаза стали влажными: от гордости, от понимания, что каждое слово – правда. – Ты стольким людям подарил будущее! Ты... – Качнула головой. – Ты – мой герой.

Папа подал мне бокал с шампанским. Только мы сделали по глотку, как у входа началось непонятное движение. Сперва я не разобрала, что там. А когда увидела, едва не выронила бокал.

– Он же не собирался приходить! – слова вырвались сами собой.

Отец, конечно, услышал. Я поглубже вдохнула. Хотела бы сбежать, да только вход в зал был один. И выход тоже.

Я отпила ещё шампанского. Нет, никуда я не побегу. Этот вечер организовала я. У моего отца день рождения. Если кому тут и не место, так это Дымову. Дымову, а не мне. Принесло же его!

Уже в следующий миг наши с ним взгляды встретились. Безошибочно, словно знал куда, он посмотрел прямо на нас с отцом.

Нет, на меня.

Шампанское встало в горле. Пузырьки защекотали ноздри – ни проглотить, ни выплюнуть. Как в замедленной съёмке, Дымов подходил всё ближе, а я, как приклеенная, не могла сдвинуться с места.

– Поздравляю, Леонид, – отсалютовал Егор подхваченным с подноса бокалом. – Вам уже наверняка нажелали всего. И всё же, здоровья. Остальное вы и так возьмёте.

– Вообще, твои поздравления мне уже передали. Но я рад видеть тебя.

– Подумал, что свинством будет не прийти.

Я всё же подавилась шампанским. Кашлянула. Егор перевёл взгляд на меня, словно только и ждал момента. На этом время остановилось, а звуки стихли. В голове поплыло. Я стиснула ножку бокала, но это не помогло. Сжимала сильнее и сильнее, разумом отдавая себе отчёт, что стекло вот-вот не выдержит. Гладкое, оно впивалось в кожу. Руки стали мокрыми, музыка грохотала в ушах. Сильнее и сильнее...

– Лина... – Отец дотронулся до моей руки, и я вздрогнула. Пальцы разжались. В последний момент снова сомкнула их, но теперь поплыла голова. Ноги стали ватными.

– Наконец-то мы можем познакомиться лично, Полина, – обратился ко мне Егор.

Его синие, как майское небо, глаза были адом. Синие... Глаза, на которые повелась бедная Линка.

Что бокал накренился, поняла только, когда шампанское потекло по пальцам. Нелепо. Но Егор, кажется, не заметил.

– Разве это было нужно?

Отца окликнули, и мы остались наедине. Мысленно я взмолилась, чтобы появился Богатырёв. Обычно он всегда появлялся, стоило хоть кому-нибудь проявить ко мне внимание. Но этот день был исключением.

– По-моему, телефонного знакомства более чем достаточно, – выговорила я и поднесла бокал к губам.

Шампанское помогало скрыть эмоции. Егор смотрел на меня, я – на него.

– Дымов, – один из игроков папиной команды оказался возле нас настолько внезапно, что я и не заметила, – ты же не собирался приходить.

– Да так получилось... Не зря пришёл, как вижу. Отличный вечер.

Говоря это, он не сводил с меня взгляда. А мне хотелось лбом обо что-нибудь стукнуться, лишь бы не видеть его глаз. Всё, что у меня осталось на память, – фотография и лютое желание отомстить. Если бы не он, сейчас всё было бы по-другому. И я была бы другой.

– Прекрасно выглядите, Полина, – бархатный голос щекотнул нервы.

Я снова стиснула ножку.

– Спасибо.

– Вам идёт это платье. Хотя... – Он осмотрел меня. – В других я вас не видел.

– Уверена, вы видели в других мою сестру.

Он мгновенно растерял желание рассыпаться в глупых комплиментах. Глаза потемнели. Да, Дымов, я умею быть жёсткой. Даже жестокой. Жизнь научила.

– Ваша сестра не носила платья, – тихо отозвался он, не обращая внимания на приятеля.

– Скорее, у неё не было повода надевать их.

– Возможно.

– У неё не было повода, – повторила я и, найдя взглядом Богатырёва, сказала: – Простите, мне некогда. Меня ждут.

Егор

Встреча с Полиной оказалась сродни ушату холодной воды. Не зря Ангелина говорила, что их не различить. Самонадеянный пацан, я думал, отличить их будет, всё равно что плюнуть. Куда там! Те же черты лица, те же жесты. Разве что глаза другие. Но дело не в цвете.

– Ты же вроде не собирался сегодня, – подойдя, сказал один из парней.

И сколько ещё раз я должен услышать это дерьмо за сегодня? Да какая им разница, собирался или нет.

– Не собирался и собрался, – процедил, не сводя взгляда с сестры Линки.

Она подошла к Богатыреву. Заискивающе улыбнулась. Тот забрал у неё пустой фужер и всучил новый. Решил напоить, а потом трахнуть? Неплохая идея. На его месте именно это бы я и сделал. Ещё лучше – не выпускал бы её из постели.

Блядь! Шампанское ещё не успело добраться до мозга, а в черепе уже коротит. Тёмно-каштановые волосы, зелёные глаза... Мощной штормовой волной меня отбросило в прошлое и вернуло в настоящее. Если бы не смерть, сейчас я мог бы быть здесь вместе с Линкой. Или не здесь – в любом другом месте, но с Линкой. А вместо этого слащавый идиот тискал до безумия похожую на неё сестру, которой было на меня похрен.

Полина

Я слышала голос Федьки, но взгляд чувствовала не его – Дымова. Ладонь Феди лежала у меня на талии и, кажется, я что-то даже говорила ему. Кажется...

Сухое шампанское было столь же терпким, как и воспоминания.

Прошное

- Не-а. - Сестра отбросила платье. - Дай мне другое.

- Это тебе идёт.

- И что? - Она порылась в шкафу. Вытащила длинный, в пол, сарафан, который я ни разу не надевала. Хитро прищурилась.

- Он ужасный! - Я хотела забрать его, но сестра отдернула руку.

Надела и отставила ногу.

- Он классный!

Я вдруг поняла, что и правда классный. Сестра опять сунулась в шкаф. В меня полетел другой.

- Надевай, - потребовала она. - И пойдём к родителям. Только вначале ты пойдёшь, а потом я.

- Зачем это? - вздохнула я, но сарафан всё-таки надела.

Сегодня сестра была особенно бойкой. Видимо, так на неё подействовала предстоящая поездка за школьными прибабасами.

Я глянула в зеркало: она встала рядом.

- Уверена, они опять не поймут, кто из нас кто, – заявила, посмеиваясь.

- Тебе не надоело?

- Да ладно, у папы каждый раз такой виноватый взгляд...

Вспомнив лицо отца в моменты, когда выяснялось, что он нас перепутал, я и сама заулыбалась. Поправила лямку, причмокнула губами и повернулась к двери.

- Ладно.

- Если снова перепутают, требуем с них по кукле.

- Тебе тринадцать! Какая кукла?! Лучше уж тетрадку со стразами.

Сестра закатила глаза.

- Тебе тетрадку, мне куклу. Вообще-то, мне для коллекции. – Она махнула на дверь. – Иди давай. А то нам в двенадцать уже выезжать.

Настоящее

Холодно в зале не было, а я всё равно подставила пальцы под тёплую воду. Взгляд Дымова пробирал до костей. Куда бы ни пошла, чувствовала, что он смотрит, следит. Только что пытается увидеть, я не знала.

- Ангелина умерла, – сказала своему отражению. Только с ним мне и осталось разговаривать.

Ангелина умерла. Я – не она. Нечего рассматривать меня, её это не воскресит.

Только я вышла из уборной, в коридоре появился Егор. Я не удивилась. Замедлила шаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kovalevskaya_alisa/pepel-i-dym-ya-ne-vernus

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)